

Максим Леонов

Обрывки прошлого.
Фрагментация воспоминаний.
Часть вторая

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Леонов
Обрывки прошлого.
Фрагментация
воспоминаний. Часть вторая
Серия «Обрывки прошлого.
Фрагментация воспоминаний», книга 2

<https://litres.ru/73535312>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Осколки прошлого» — это пронзительный роман-воспоминание, разворачивающийся на фоне Владивостока нулевых. История Васи — успешного, но опустошённого мужчины средних лет — строится на резких переходах между его комфортным, но бездушным настоящим и яркой, горькой юностью. Сквозь череду эпизодов — от первых компьютеров до дворовой братвы и тяжёлых взрослых уроков — проступает картина целого поколения. Это роман о потере друзей, ускользающей молодости, выборе пути и той невидимой грани, за которой остаётся прошлое, а впереди — лишь одинокая орбита взрослой жизни.

Максим Леонов

Обрывки прошлого.

Фрагментация

воспоминаний.

Часть вторая

Осколки эпохи.

Владивосток осенью – это не город, а портовый терминал между небом и морем, где стихии договорились о перемирии, но никогда его не соблюдают. Свинцовые тучи, пришвартованные к сопкам, низко провисали над Амурским заливом, и с них частыми, колючими порциями сыпался дождь. Он был не столько водой, сколько состоянием воздуха – ледяной, пронизывающей взвесью, которая забивалась под одежду, стекала за воротник и методично выжигала последнее тепло из костей. Ветер, настоящий хозяин этих мест, гудел мимо пляжа, где летом ступить негде, и свистел в щелях машины, раскачивая кузов на рессорах, словно пытаясь сорвать его с места и унести в серую, кипящую пеной пучину.

На парковке напротив маяка Токаревского, стоял новенький темно-синий лексус. Изумрудный, отполированный до зеркального блеска. Внутри, отгороженный от хаоса двойным стеклом и системой климат-контроля, сидел Вася. Со-

рок пять лет. Возраст, когда подводишь первые итоги своей жизни, и с холодным удивлением понимаешь, что вроде бы прошло очень много, а все то, о чем ты парился еще 10 лет назад, теперь особо смысла не имеет.

Он сидел, не двигаясь, сгорбившись над рулем, и смотрел сквозь мутный вихорь на лобовом стекле. За этим водяным занавесом клубилась и бурлила стихия – ветер гнал по серой, пенной воде белые гребешки волн, и далекий, низкий гул прибоя был басовым фоном для его завывания. Мысли текли вяло, уставше, как этот дождь. Ипотеки, кредиты, заёмы. Годовые отчеты. Встреча с налоговым консультантом завтра в десять, бухгалтерами, юристами. Бесконечная, отлаженная цепочка дел, которые нужно сделать, проблем, которые нужно «решить», чтобы завтрашний день наступил ровно таким же, как вчерашний. Он вроде бы был успешен, по меркам этого города. Свой небольшой, но стабильный бизнес по логистике, дорогая машина, несколько квартир под сдачу и просторная квартира в «новой» части города с панорамным видом на тот самый залив. Все атрибуты сложившейся, состоявшейся жизни. Но почему-то именно сейчас, в этой дорогой, комфортной капсуле на самом краю земли, он чувствовал себя не капитаном своего корабля, а высокооплачиваемым, уставшим менеджером, который из последних сил поддерживает на плаву чужую мечту. Свою ли?

Резкий, вибрирующий звук разорвал уютное гудение двигателя и монотонный шум дождя. На центральном экране,

похожем на взлетно-посадочную полосу, всплыло имя: «Евгений Петрович». Главный кредитор, партнер, а по совместительству – источник перманентной, фоновой головной боли, знакомой до тошноты.

Вася вздохнул, провел ладонью по лицу, смахивая несуществующую пыль и собираясь с духом, и нажал кнопку на руле.

– Слушаю, Женя, – его собственный голос прозвучал хрипло, он прочистил горло.

– Василий, привет. Ты по контракту с «Пасифик Марин»? – голос в динамиках был ровным, деловым, отшлифованным тысячами подобных разговоров. Ни капли лишних эмоций. Такие диалоги давно стали звуковым фоном его существования.

—А что-то не так? – Вася почувствовал, как непроизвольно сжимаются пальцы на руле.

– Там по пункту семь кое-какие нюансы вылезли. Их юристы опять за своё, гнут свою линию. Цену пытаются сбить в последний момент. Нужно будет решить вопрос. Деньги уже не те, чтобы церемониться, сам понимаешь.

Фраза «решить вопрос» прозвучала с таким привычным, натренированным цинизмом, что Вася почувствовал во рту

привкус горечи, как от плохо заваренного кофе. Решить вопрос – это был целый язык, кодекс его жизни. Это означало найти рычаги, надавить, договориться в обход официальных процедур, кивнуть нужному человеку в кабинете, «отблагодарить» нужного чиновника. Вся его жизнь последних пятнадцати лет состояла из «решения вопросов». Он стал виртуозом в этом деле, но каждый успех оставлял на душе тонкую, невидимую пыль.

– Понял, – сухо, почти механически ответил он. – Свяжусь с ними. Завтра с утра займусь.

– Отлично. Жду отчета. Всего.

Связь прервалась. В салоне вновь воцарились лишь завывание ветра, далекий рокот океана и почти неслышный шепот климат-контроля. Вася откинул голову на мягкий, прохладный кожаный подголовник и закрыл глаза. Пустота. После таких звонков всегда оставалась странная, гулкая пустота, которую не могла заполнить ни одна, даже самая крупная сумма на счету. Он был решателем чужих проблем, поставщиком решений, но в тишине собственного автомобиля не мог найти ответа на один-единственный вопрос: когда именно его собственная жизнь превратилась в такой же контракт, по пункту семь которого постоянно возникали «нюансы»?

Его пальцы, будто сами по себе, потянулись к сенсорному экрану радио, чтобы заглушить эту нарастающую внутреннюю тишину. Он листал пресеты – бодрые голоса диджеев,

бит очередного западного хита, что-то похожее на шансон. И вдруг эфир поймал волну какой-то ностальгической частоты. Из четырех стодолларовых динамиков, сквозь легкий шип, словно из-под толщи лет, полились первые, узнаваемые с полусаккорда звуки – меланхоличный, чистый, бесконечно одинокий перебор гитары. Сердце дрогнуло и сжалось в груди, как от внезапного укола. Это была она. Песня одной известной попсовой группы конца 90-х – начала нулевых. Та самая песня, которую он не слышал, наверное, лет двадцать, сознательно избегая ее, как избегают старых, выцветших писем, которые слишком больно перечитывать.

Он не услышал слов. Он услышал запах – весенних лип на своем районе, где он вырос, смешанный с соленым бризом. Он услышал ощущение – прохладного пластика кассетного плеера в кармане и грубой ткани джинсовой куртки. Он увидел не картинку, а вспышку – слякоть апреля на разбитой дороге, отблеск заката в тысячах окон, бесконечную, пьянящую дорогу, уходящую в будущее, которое тогда казалось сияющим и бескрайним.

Это было не воспоминание. Это было как землетрясение в памяти. Тихий, беззвучный разлом, прошедший через все этажи его сознания. Влажный, комфортный салон с запахом кожи и озоном растворился, испарился. Его не было. Был только этот гитарный перебор, впивающийся в самое нутро, и рождаемая им пронзительная, невыносимая ясность: где-то там, в этой бушующей темноте, остался он другой – мо-

лодой, безумный, верящий в огонь, а не в баланс, парень в потрепанной кожанке, и он смотрел на него, сорокапятилетнего Васю, сидящего в дорогой машине у молчащего маяка, с немим вопросом и укором.

Звук песни смолк, сменившись на бодрые, бездушные позывные федеральных новостей. Вася резко, почти с яростью, ткнул в экран, выключая радио. В салоне воцарилась тишина, но теперь она была иной – неудобной, гнетущей, вибрирующей от только что прозвучавшего эха.

Он снова был здесь. В коконе технологий и комфорта. У маяка, который больше никого никуда не вел. Сорокапятилетний мужчина с вопросами, которые нужно решать» Он медленно, почти ритуально, завел машину. Щетки плавно очистили стекло, открыв безжалостно четкий вид на бушующее, серое, бесконечное море.

Но теперь он видел сквозь него. Он смотрел в пронзительную весну почти тридцатилетней давности, в тот ветер, что пах не солью и разложением, а пылью и свободой. Он был по разные стороны звука. Эти обрывки памяти легли на плечи тяжелым, холодным грузом. Точка отсчета была пройдена. Оставалось только понять, куда же он, в итоге, пришел.

Весна в том году наступала на Владивосток с нерешительностью застенчивого гостя, не знающего, ждут ли его здесь по-настоящему. Она пробивалась сквозь плотную завесу зимней спячки не ярким маршем, а робкими, отчаянными

вылазками. Март владел городом как скупой и неопрятный хозяин, не желавший уступать свои владения. Воздух на улице Невельского был густым и тяжелым, насыщенным влагой, которую нельзя было назвать ни туманом, ни дождем. Это была взвесь – микроскопические частицы морского бриза, выхлопных газов от бесчисленных праворульных иномарок, выдыхаемой земли и чего-то еще, необъяснимого, что являлось духом этого места, этого времени.

День выдался странным, выморочным. Солнце, бледное и жидкое, как разведенное молоко, светило сквозь слои перистых облаков, но не грело, а лишь подсвечивало унылую картину пробуждения спального микрорайона. Дома, в основном панельные девятиэтажки-«крейсера» (но и 12-этажки «свечки») стояли молчаливыми серыми громадами. Их фасады, когда-то белые или кремовые, потемнели от времени, дождей и пыли, покрылись потеками и язвами осыпающейся штукатурки. По стенам-панелям тянулись черные усы воды, с расстояния смотрясь как грязь.

Дворы представляли собой лоскутное одеяло из утрамбованной, потрескавшейся земли, островков побуревшей, вымокшей за зиму травы и асфальта, испещренного заплатками ремонтов, которые были лишь бледным подобием борьбы с всеобщим разрушением. Детские площадки – ржавые каркасы качелей-«лодочек», горки с облупившимся пластиком и песочницы, больше напоминавшие скопище мусора, где среди песка угадывались осколки бутылок, окурки и фантики.

Повсюду валялись пустые пачки от «явы», «бонда», «винстона», жестяные банки из-под дешевого пива и пластиковые бутылки.

С крыш долго и монотонно капало. Эта капель была саундтреком ранней весны – назойливым, бесконечным, действующим на нервы. Вода, стекавшая с крыш, была грязной, бурой, уносила с собой частички прошлогодней листвы, скопившейся в желобах, и ржавчину с железных деталей. Она размывала и без того грязный асфальт, образуя унылые, мутные ручейки, которые медленно текли к забитым ливневым. Запахи были сложными и противоречивыми: свежий, соленый ветер с залива, долетавший сюда порывами, смешивался с кисловатым душком оттаявшей земли и гниющих органических остатков, а подъезды пахли старой пылью, вареной капустой и еще чем-то звериным – возможно, кошками, которых здесь обитало великое множество.

И повсюду – машины. Праворульные «Тойоты», «Ниссаны», «Митсубиси». Они стояли вкривь и вкось, занимая и без того скудное дворовое пространство, теснясь у подъездов, на газонах. Одни – относительно свежие, «пригнанные» недавно, другие – выдавшие виды, с помятыми крыльями, битыми фарами, с затертыми до дыр салонами. Они были таким же символом времени, как и эти серые дома, – желанным, но часто убогим окном в другой, казавшийся богатым и ярким мир.

Вася шел по этому знакомому, до боли родному и одно-

временно чужому пейзажу. Его ноги автоматически обходили глубокие лужи и особенно зияющие трещины в асфальте. Он смотрел на все это и чувствовал странную смесь тоски и отчуждения. Эти дворы, эти гаражи-ракушки, это поле за домами, где когда-то гоняли в футбол, – все это было территорией его детства, его отрочества. Здесь он был своим. Но теперь, в шестнадцать лет, он смотрел на все иначе. Он видел не потенциальное поле для игр, а унылую, провинциальную рутину. Он замечал обшарпанность подъездных дверей с сорванными замками, граффити на стенах, состоящие чаще всего из нецензурных слов и примитивных рисунков, мусор, который никто не спешил убирать.

Его друг Витя жил в одной из таких девятиэтажек на втором этаже. Грязные ступени, стены, исписанные и исчерченные. Запах – коктейль из сотен обедов, табачного дыма, моющих средств и человеческого быта.

Вася постучал. Дверь открыл Витя. Он выглядел уставшим, но в его глазах горел какой-то новый, незнакомый огонек.

– Заходи, – сказал он, и в голосе его слышалось возбуждение. – Смотри, что у нас появилось.

Комната Вити была их штабом. Но сегодня в ней царил не привычный творческий беспорядок, а атмосфера священнодействия. В углу, на старом, прогибающемся под его весом столе, стояло нечто, чего Вася раньше видел только в журна-

лах или по телевизору. Персональный компьютер.

Это не был серый, безликий ящик. Это был артефакт, объект почти мистический. Системный блок цвета слоновой кости, массивный, с вертикальным приводом для дискет и кнопкой-тумблером, которая включалась с громким, увесистым щелчком. Рядом стоял монитор с выпуклым, темным экраном, отражавшим, как плоское зеркало, всю комнату в искаженном виде. Клавиатура, тяжелая, с высокими, упругими клавишами, которые при нажатии издавали громкий, отчетливый стук. Мышь – с шариком внутри и таким толстым шнуром, что его, казалось, можно было использовать в качестве альпинистской веревки.

– Celeron! – с почти религиозным благоговением произнес Витя, проводя рукой по системному блоку, как бы смахивая невидимую пыль. – Мать подарила... Материнка какая-то... ASUS, кажется. Сто тридцать три мегагерца. И оперативки... целых шестьдесят четыре мегабайта. Представляешь?

Вася не представлял. Он смотрел на это чудо и чувствовал, как его мир, до сих пор ограниченный двором, школой, кассетным плеером и посиделками в подъезде, вдруг рухнул, чтобы в тот же миг начать стремительно расширяться. Это была не просто техника. Это был портал. Клава, мышь, мерцающий экран – все это было волшебными инструментами, ключами к неизведанным мирам.

Они не играли в игры и не слушали музыку – по край-

ней мере, не сразу. Первые часы ушли на простое взаимодействие с машиной. На изучение Windows 98 с ее ярко-синим градиентом и пиктограммами, которые казались верхом дизайнерской мысли. На запуск «Блокнота» и печать бессмысленных фраз, просто чтобы видеть, как буквы возникают на экране. На игру в «Сапера» и «Косынку», которые были встроены в систему и от которых невозможно было оторваться.

Магия была в самом процессе. В гуле кулера, в мерцании экрана, в щелчках жесткого диска. Эта машина дышала, жила своей, непонятной им жизнью, и они, как неофиты, прикасались к этой жизни, пытаясь ее постичь. Они слушали музыку – да, ту самую «кислоту», тяжелые трансовые композиции, которые они скачивали целыми вечерами через модем, ворочавшийся и шипящий, как разгневанный зверь. Звук, идущий из колонок, уже не с кассеты, а с цифрового файла, казался им чище, современнее, более соответствующим этому новому, рождающемуся прямо у них на глазах миру.

Их разговоры изменились. Теперь они велись не только о дворовых делах или школьных новостях, а о «мегагерцах», «оперативной памяти», «винчестере» на неслыханные шесть гигабайт. Они говорили о программах, о том, как записать CD – это было сродни магии, – о первых сайтах, которые им удавалось найти в этом бескрайнем, новом океане под названием Интернет.

И на фоне этого технологического прорыва их старые

уличные привычки, их дворовая романтика стали казаться чем-то архаичным, ушедшим. Они по-прежнему проводили время вместе, но теперь их тусовка все чаще перемещалась из подъездов и дворов в эту комнату, к мерцающему экрану монитора. Их дружба приобрела новое измерение – они стали соучастниками большого открытия, пионерами виртуального фронта, который манил их куда сильнее, чем знакомые, обшарпанные улицы Невельского.

Именно в этот момент перемен особенно явственной стала перемена в Маше. Если раньше ее отдаление было едва заметным, похожим на легкую дымку, то теперь оно проявилось с пугающей четкостью. Она не просто реже приходила – она будто переместилась в иную реальность, параллельную их мальчишечьей вселенной, населенную процессорами и модемами.

Однажды, через неделю после появления компьютера, она все же зашла. Она стояла на пороге комнаты Вити, и Вася впервые с такой ясностью увидел пропасть, их разделявшую. Она была не просто одета по-другому – в узкие джинсы и короткую куртку, вместо мешковатых штанов и толстовки, в которых они привыкли ее видеть. Изменилось что-то в самой ее сути. В ее позе, в повороте головы, в том, как она смотрела на них – не как на старых друзей, а как на нечто слегка чужеродное и непонятное. Ее взгляд скользнул по системному блоку, по проводам, опутавшим стол, и в нем не было ни

капли того благоговения, что застыло на лицах Васи и Вити. Была лишь вежливая, отстраненная вежливость.

– Ну, как ваш... комп? – спросила она, и в голосе ее прозвучала легкая, почти неуловимая снисходительность, с какой взрослые говорят о детских увлечениях.

Витя, не заметив подтекста, с жаром запустился в объяснения о мегагерцах и оперативной памяти. Маша кивала, делая вид, что слушает, но Вася видел – ее взгляд блуждал по комнате, по знакомым плакатам, которые вдруг показались ему убогими и детскими на фоне этого высокотехнологичного чуда. Она пробыла всего минут десять, сославшись на дела, и ушла, оставив после себя в воздухе странное ощущение пустоты и неловкости.

– Чего это она? – удивился Витя, уже снова погружаясь в изучение настроек видеокарты.

Вася промолчал. Он не мог объяснить этого словами, но чувствовал это всем нутром. Дело было не в компьютере. Компьютер был лишь катализатором, ускорителем процессов, которые и так уже шли полным ходом. Маша выросла. И делала она это иначе, чем они. Ее взросление было не внешним, не техническим – оно было внутренним, глубоким, физиологическим. Ее мир теперь вращался вокруг других осей: вокруг сложных, невысказанных отношений с подругами, вокруг трепетного изучения собственного отражения в зеркале, вокруг первых, еще робких, но таких важных мыслей о том, как на нее смотрят мальчики – не как на дру-

га-сорванца, а как на девушку.

Они же, Вася и Витя, застряли в своем переходном возрасте, растянутом между дворовым футболом и виртуальными мирами. Их взросление измерялось в мегагерцах и гигабайтах, в умении взломать игру или найти редкий музыкальный трек. Их интерес к девушкам был пока абстрактным, больше теоретическим, замешанным на подростковой браваде, но не на настоящем, глубоком влечении. Они были все теми же мальчишками, только с новыми, сложными игрушками.

А Маша уже становилась женщиной. И этот процесс был одиноким, интимным, не предназначенным для мужских глаз. Ей было неинтересно слушать о технических характеристиках, ей было скучно часами наблюдать, как они копаются в настройках. Ее мир требовал эмоций, тонких намеков, разговоров по душам, совместных прогулок – всего того, что казалось им, мальчишкам, нелепым и бессмысленным.

Вася видел, как она на переменах в школе уже не носилась по коридорам с их бандой, не участвовала в общих потасовках. Она стояла в кругу подруг, и они о чем-то шептались, потом взрывались звонким, каким-то новым, взрослым смехом. Она научилась определенным образом поворачивать голову, поправлять волосы, ее жесты стали плавнее, осознаннее. Иногда, ловя на себе ее взгляд, Вася видел в нем не прежнюю простодушную открытость, а какую-то завесу,

сложную смесь любопытства, снисхождения и легкой грусти. Она опережала их, и она знала это. И это знание неизбежно отдаляло ее.

Они больше не были «Васька, Витька и Машка» – неразлучной троицей, способной сообща придумать себе приключение на целый день. Теперь были «пацаны с компьютером» и «девчонки со своими делами». И самая горькая ирония заключалась в том, что, открывая для себя целые вселенные в мерцании монитора, они навсегда теряли ту маленькую, но такую важную вселенную, что звалась их общей дружбой. Вася, глядя в холодную гладь экрана, отражавшую его собственное, еще детское лицо, смутно чувствовал эту потерю. Он понимал, что пересекает некую грань, обратного пути из-за которой нет. И где-то там, по ту сторону этой границы, оставалась Маша – уже почти незнакомая девушка с грустными глазами, в которых он с трудом узнавал ту самую девчонку, что когда-то смело лезла с ними в любую драку.

Тот апрель тянулся, как плохо смотанная магнитная лента, с повторами, помехами и внезапными обрывами на самом интересном месте. Он был полон обещаний, которые не спешил сдерживать: солнце, появляясь из-за свинцовых туч, лишь подсвечивало унылую действительность, но не грело; почки на чахлых деревьях набухали, но не распускались; с крыш звонко капало, но это не звук обновления, а навязчивый, монотонный аккомпанемент к общей разбитости. Пер-

вомайские праздники на горизонте манили иллюзорной свободой, но пока что лишь подчеркивали унылую, замкнутую орбиту школьных будней. Эйфория от компьютерного чуда, перевернувшего их мир несколько недель назад, окончательно рассеялась, уступив место трезвому, почти горькому осознанию: «комп» – не билет в лучшую жизнь, а просто дорогая и сложная игрушка, пылящаяся в углу и требующая для своих капризов бесконечных денег на запчасти и время. Вселенная снова съежилась до размеров знакомого спального района, и ее горизонты, как и прежде, упирались в серые, обшарпанные бока панельных девятиэтажек.

Их старая, исхоженная вдоль и поперек география – двор, подъезд, скучный путь до школы – внезапно обрела новую, доселе незначимую точку на карте, настоящую «терра инкогнита». В самом углу школьного двора семнадцатой школы, в том самом крыле, что всегда казалось сиротливым, заброшенным и оттого немного зловещим стала располагаться вечерняя школа. Для Васи и Вити она всегда была таинственной, почти мифической территорией, местом, куда соваться без надобности строго-настрого не рекомендовалось. Дело было не в формальных запретах учителей, а в негласных, но железобетонных законах школьной иерархии, которые каждый усваивал с первых дней. Эту, отгороженную в сознании, часть школьного мира населяли загадочные, почти легендарные существа – «вечерники».

Они не были пришельцами из мира взрослых с заводами и

конторами – эта версия была лишь романтическим заблуждением. В действительности они были продуктом самой системы, её теневой стороной. Это были просто плохо учившиеся, отпетые ученики, которых за неуспеваемость, бесконечные прогулы и дурное поведение перевели в вечернюю школу, словно в исправительную колонию в рамках образовательного ландшафта. Они были старше не по возрасту, а по опыту школьных баталий и конфликтов с учителями. От них несло не запахом школьной столовой и свежей политуры от парт, а едким дымом дешёвых сигарет, который въелся в куртки, и дерзким, вызывающим цинизмом, который заменял им знания.

Их усталость была не от смены у станка, а от бессмысленности проводимых за партой часов и отчаянной скуки, которую они разгоняли чем попало. В их глазах читались не взрослые истории, а история бесконечных провалов, вызовов родителям, загулов в подворотнях и презрения к «зубрилам» из дневной школы. Они были обитателями параллельного мира, существовавшего в тех же стенах, дышавшего тем же воздухом, но жившего по совершенно иным, более простым и жестоким законам улицы, перенесённым в школьные стены.

И именно эта пропасть в статусах, этом клейме «отбросов», порождала едкие конфликты. Основная масса вечерников – это были озлобленные, в большинстве своём, но такие же школьники, просто с испорченной репутацией и от-

чаянным поведением. Порой, когда их строим вели по общему двору, открывая двери в их крыло, ребята из соседней 17-й школы, пользуясь моментом, кричали им вслед: «Зеки на прогулке!». Эти слова, обидные и унижительные, будто раскаленный штык, вонзались в и без того накаленную атмосферу. Они не просто оскорбляли – они констатировали их низший статус, выставя напоказ их изгнанничество. От таких провокаций мгновенно вспыхивали стычки – короткие, яростные схватки на несколько минут, где выплескивалась вся накопленная злость, горечь и подспудная вражда двух разных каст, навсегда разделённых школьным порогом.

Именно Витя, вечный следопыт и дипломат от мира дворовых отношений, однажды и привел Васю к этой незримой, но осязаемой границе миров. Не в сам «заповедник», конечно – туда вход был разрешен только по особому пропуску, коим служил возраст и трудовая книжка, – а в буферную зону, в нейтральные воды. Этой зоной стал дальний, глухой угол «зашколы», затерявшийся за между домами, холмами с сопками и гаражами. Это было не место для игр или безмятежного отдыха, а некое лимбическое пространство, транзитная зона. Здесь, на корящемся от разлитого когда-то бензина асфальте, среди осколков кирпича и битого стекла, Витя, приняв важный и таинственный вид, и представил Васю «НОВЫМ».

Их было трое. Они стояли, прислонившись к стенам школы. Дым от их сигарет сливался с прохладной, влажной ве-

черней мглой, создавая почти что кинематографичную, хоть и убогую, картинку из какого-то остросюжетного фильма о жизни на окраинах.

– Вась, это ребята. С вечерки, – сказал Витя, и в его голосе прозвучала непривычная нота – не робости, но признания некоего иного, более высокого статуса, смешанного с подбострастием.

Первым, нарушив неловкую паузу, руку пожал Толик. Рукопожатие было на удивление твердым, почти протокольным, как у спортсмена или военного. Он был сложен, как шкаф, грудь колесом, плечи – настоящие клепки. Одет он был в неброскую, но чистую и явно качественную спортивную кофту. Стрижка – под ноль, взгляд – спокойный, изучающий, лишенный мальчишеского озорства. «Правильный парень», – сразу, безошибочно щелкнуло в голове у Васи. Тот, кто ходит в качалку не для понтов, а как на службу, с методичностью и упорством фанатика. И, по словам Вити, читал какие-то умные книжки – не фантастику, а что-то про стратегию, психологию и историю. Прямо сейчас он, как талисман, вертел в своих мощных пальцах потрепанный томик «Искусства войны» Сунь-Цзы, что выглядело в этой обстановке дико и сюрреалистично. Он казался молчаливым, неизбежным островком здравомыслия и дисциплины в бурлящем, непредсказуемом океане подросткового идиотизма.

– Вова, – отрывисто кивнул второй, не утруждая себя рукопожатием или даже намеком на улыбку. Он был ниже и

жилистее Толика, закутан в поношенную, выцветшую армейскую куртку-«афганку». Смотрел на Васю исподлобья, и в его прищуренных, колючих глазах стояла не показная наглость, а некая хищная, спокойная, почти физически ощущаемая уверенность в себе и своем праве здесь находиться. Прирожденный заводила, локомотив любой, даже самой сомнительной, авантюры. Вася почувствовал это сразу, кожей, всем своим существом – его слово здесь было законом, его молчание – приговором. У него был слегка разбит нос, что придавало его лицу выражение легкой, но постоянной, застарелой обиды на весь белый свет, и эта деталь делала его еще более опасным и авторитетным.

– Кирилл, – буркнул третий, не отрываясь от созерцания тлеющего окурка, будто в его узоре он пытался разглядеть котировки доллара или схему заработка. Худощавый, вертлявый, с живыми, бегающими, постоянно что-то оценивающими глазами, которые, казалось, мгновенно сканировали и вычисляли стоимость твоих кроссовок, качество куртки и перспективы твоего кошелька. Настоящий прагматик и делец. Как тут же, с гордостью за знакомство, пояснил Витя, Кирилл был первым из них, кто «официально устроился» – работал помощником на шиномонтаже. Его заработок, не большой, но стабильный и, главное, собственный, был тем самым финансовым локомотивом, который с скрипом, но уверенно тащил за собой весь этот веселый, разухабистый состав. От него приятно и основательно пахло резиной, ма-

шинным маслом и технической смазкой – запахами настоящей, а не учебной, не бутафорской жизни.

Стоя рядом с ними, Вася остро чувствовал, как его привычная, относительно комфортная реальность трещит по швам и рассыпается, как трухлявая фанера. Эти парни дышали другим воздухом – воздухом улицы, тяжелой работы, пусть и убогой, но уже настоящей, а не игровой самостоятельности. Они были из «вечерки» – а это значило, что у каждого за спиной была своя, уже не детская история, свой груз проблем и ответственности. Они не играли в песочнице в машинки – они меняли покрышки на настоящих, больших автомобилях, и в их руках была не иллюзорная, а реальная сила, способная преобразовывать мир, пусть и в таком мелком, приземленном масштабе.

И в этой новой, более жесткой, более «химической» структуре отношений, с ее четкой, хоть и неозвученной иерархией, не находилось места Маше. Ее светлый силуэт иногда еще мелькал в основном, «дневном» здании школы, но уже как видение из другого измерения. Вася видел ее в коридорах, идущую в окружении таких же нарядных, смеющихся и о чем-то щебечущих подруг. Их взгляды изредка пересекались, но это было похоже на взгляд через два разных, запотевших иллюминатора поездов, несущихся в противоположных направлениях с огромной скоростью. Однажды он, набравшись духу, попытался возобновить их старый, привычный, почти ритуальный формат общения – подойти

и сказать какую-нибудь заведомо глупую, но свою, на шумевшую шутку. Но слова, вылетевшие из его рта, прозвучали натужно и фальшиво, как плохо заученная роль. Она посмотрела на него не как на Васю, своего старого друга, а как на представителя враждебного, чуждого племени – «пацанов с подворотни». Ее улыбка была быстрой, вежливой, стерильной и безжизненной, как у манекена в витрине. «Привет. Я спешу». И она растворилась в бурлящем потоке старшеклассников, оставив его стоять посреди коридора с глупым, потерянным выражением лица и медленно растущим, холодным комом в горле. Их миры, когда-то бывшие единым целым, окончательно и бесповоротно разошлись. Та Маша, которая когда-то, не боясь испачкаться, лазила с ними по гаражам и хохотала до слез над их дурацкими выходками, осталась в безвозвратном прошлом. Теперь их было двое – он и Витя. И еще – вот эти трое, пришедшие с той, темной и манящей стороны школьного двора.

Ритуал инициации, посвящения в эту новую «братву», был простым, как удар кирпичом по голове, и таким же эффективным. Его символом стала купленная на общие деньги (большая и самая весомая часть – из заработка Кирилла) бутылка «Капитанского» рома и двухлитровая пластиковая бутылка теплой, липкой, отдававшей пластмассой колы. Место действия – все те же глухие задворки, у старого, покрытого мхом и граффити бетонного забора, испещренного похабными надписями и признаниями в любви, которые в су-

мраке казались шедеврами примитивной, но искренней на- скальной живописи этого места.

– Ну что, джентльмены удачи, – с напускной, театральной торжественностью провозгласил Вова, с видом заправского бармена наливая мутную, густую, пахнущую дешевым спир- том и приторной карамелью жидкость в пластиковые, помя- тые стаканчики. Он с церемонным видом долил колы, и мут- ная смесь зашипела, пуская пузыри. – Поднимем бокалы! За своих пацанов! Чтобы плечом к плечу, всегда рядом и чтоб никто не подводил!

Выпили. Вася скривился – жгучая, сладковато-горькая га- дость обожгла горло, разлилась по венам горячей волной и тут же, как молотком, ударила в голову, вызвав легкое, но на- растающее головокружение. Толик, не моргнув глазом, вы- пил свой стакан залпом, одним точным движением, будто проглатывая горькое, но необходимое лекарство, и тут же, как бы ища моральной поддержки или антидота, потянулся к своему томику, вода по строчкам пальцем. Кирилл крикнул, сделал вид, что ему абсолютно нормально, и с деловой се- рьезностью, будто проводил важный технологический про- цесс, начал закусывать пачкой сухариков. Витя, пытаясь изо всех сил не отставать от и не ударить в грязь лицом, тоже ли- хо осушил стакан и тут же закашлялся так истово и громко, что слезы брызнули из глаз, и он, красный как рак, едва не выронил стакан.

– Легко, браток, не торопись, – усмехнулся Вова, с отече-

ской снисходительностью хлопая его по спине, отчего Витя закашлялся с новой силой. – Скоро освоишься. Первая всегда так идёт, не очень.

Разговор сначала не клеился, вяз в неловких паузах, как колесо в грязи. Говорили о тачках, о том, каких учителей из вечерки можно открыто игнорировать, а перед какими лучше делать вид, что ты все понимаешь. Витя, пытаясь блеснуть эрудицией и вписаться в компанию, начал было с жаром рассказывать про безграничные возможности их нового компьютера и неслыханный объем жесткого диска. Но его речь наткнулась на каменные, абсолютно непонимающие и равнодушные лица. Кирилл, единственный, кто проявил к этому хоть какой-то интерес, цинично и по-деловому уточнил, можно ли на этом самом компе заработать хоть рубль, а узнав, что нет, кроме как вкалывая программистом, – фыркнул и навсегда потерял к теме всякий интерес, вернувшись к созерцанию своей сигареты.

Но по мере того, как уровень рома в бутылке неумолимо опускался, а язык становился более ватным, тяжелым и развязным, мир вокруг начал медленно, но верно, меняться. Тревога, неловкость и напряжение потихоньку утонули в этом сладком, обволакивающем спиртовом угаре. Смех стал громче, проще, истеричнее. Даже невозмутимый Толик наконец разговорился, начав, как заправский полководец или финансовый гуру, рассуждать о «стратегии жизненного успеха», размахивая для убедительности своей книж-

кой.

– Надо, пацаны, не по ветру плыть, понимаете, а ветер в свои паруса ловить! – вещал он, слегка пошатываясь и тыча пальцем в постепенно темнеющее небо, будто указывая на невидимые звезды удачи. – Я, например, бицуху качаю. Это, понимаешь, не прихоть. Это – инвестиция! В себя! В собственный актив! Мускулы – это капитал, который никто не отнимет. А вы... – он обвел Васю и Витю презрительным, хоть и заплетающимся взглядом, – в виртуале своем ковыряетесь. Дрыщи! Это, брат, пассив. Или, того хуже, – ликвидация времени.

– А ром с колой – это актив или пассив? – с идиотской, блаженной ухмылкой, вызванной внезапным прозрением, поинтересовался Витя, уже изрядно навеселе.

Толик задумался, его накачанный, но задурманненный алкоголем мозг с трудом обрабатывал эту сложнейшую экономико-философскую дилемму. Все с интересом смотрели на него. – Это... – наконец изрек он, озаренный, – это... амортизация основного средства! То есть нас! – И, довольный своим выводом, он торжественно отхлебнул из нового стакана, чем вызвал новый, оглушительный взрыв хохота, в котором тонули теперь все остальные мысли.

А потом началось то, что впоследствии они, уже протрезвев, с гордостью и стыдом назовут «цепной реакцией всеобщего просветления» или «великим рвотным четверостишием». Первым, как самый ненадежный элемент этой систе-

мы, не выдержал Витя. Он вдруг резко замолк, его вечно оживленное лицо приобрело благородный, ядовито-зеленый цвет заплесневелого сыра, глаза остекленели и наполнились немим ужасом. Он поднялся с корточек, сделал несколько неуверенных, зигзагообразных шагов в сторону чахлого куста бурьяна, походкой человека, идущего по палубе баркаса во время девятибалльного шторма, и, согнувшись в три погибели, с глубоким, душераздирающим стоном отдал долг океану с таким звуком, будто из него выворачивали наизнанку его же собственные, только что съеденные сухари.

И тут же, словно по мановению волшебной палочки самого дурного и злого волшебника, сработало на остальных. Кирилл, с болезненным интересом наблюдавший за этой малоприятной картиной, вдруг сглотнул, его глаза округлились и наполнились таким же животным ужасом, он побледнел, как полотно, и, не говоря ни слова, сдавленно ругнувшись, бросился в противоположную сторону, к старой, отслужившей свое крышке. Его громкие, мучительные рыдания смешались с приглушенным, истеричным хохотом Вовы, который, наблюдая за этим двойным аттракционом, тоже вдруг перестал смеяться. Его самоуверенное лицо исказилось гримасой вселенского удивления и отвращения, его резко качнуло вперед, и он, ругаясь на чем свет стоит самыми изощренными выражениями, присоединился к общему хору, скрывшись за углом гаража.

Картина, открывшаяся Васиным глазам, была одновре-

менно отвратительной в своей физиологической наготe и до истерики, до колик комичной. Трое парней, еще недавно таких крутых и взрослых, корчившихся в муках в сгущающихся сизых сумерках, под аккомпанемент стонов, плеска, спазмов и отборного, уже бессвязного мата. Толик и Вася держались из последних сил, но их тоже уже изрядно качало, как кораблики в тазу, и они с трудом, сжав зубы, подавляли подкатывающие волны тошноты, ощущая, как холодный пот проступает у них на лбу.

– Философский... философский момент, – с трудом, сквозь спазмы, выговорил Вася, прислонившись спиной к холодному, шершавому, но такому надежному в своей неподвижности бетону забора. Весь мир плыл и кружился перед его глазами, но в голове, озаренной ромом и всеобщим помешательством, вдруг наступила странная, кристальная ясность. – Мы... мы как одно целое. Один блюет – и все... все блюют. Солидарность, блин. Основа основ. Фундамент.

– Не... не солидарность, – поправил его Толик, бледный, как смерть, но все еще стоически стоявший на ногах, вцепившись в свой томик Сунь-Цзы, как утопающий в соломинку. – А химия... чистая химия. Один вид... запускает условный... рефлекс. Доказано наукой. Рвотный рефлекс – он заразный, как грипп. Эпидемия.

– Зато... зато теперь свои, – сипло, но уже с намечающейся, пьяной ухмылкой сквозь стоны просипел из-за своего укрытия Вова. – Своего... своего блевака не стыдно. Это

как... как боевое крещение.

Вася смотрел на эту сюрреалистическую, написанную самыми грубыми мазками картину: на своих старых и новых друзей, объединенных общим, по-свински низким, грязным, но таким искренним, всеобъемлющим и всепрощающим страданием. Он чувствовал тошноту, подкатывающую к самому горлу, слабость в ногах, странный металлический привкус во рту, но также и пьяное, пронзительное, почти мистическое чувство единства, братства по оружию, которым стало это отвратительное пойло. Они были здесь, вместе, в этом грязном, убогом, никому не нужном углу мира, и делили нечто неизмеримо большее, чем компьютерные коды или дворовые игры в войнушку. Они делили свою первую, общую, отчаянную и по-идиотски прекрасную попытку сбежать от давящей реальности, пусть и таким дурацким, саморазрушительным, но единственно доступным им способом. И где-то там, в чистом, пахнущем девичьими духами, надеждой и другим, светлым будущим мире, оставалась Маша, которая никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не смогла бы понять этой мерзкой, пьяной, вонючей, но такой живой, настоящей и прочной братвы. И в этот самый момент, стоя по колено в мусоре, в грязи и в собственной блевотине, Вася с предельной, пугающей ясностью понял, что он уже по другую сторону невидимой, но непреодолимой границы. И что обратной дороги в ту, солнечную, но навсегда утерянную страну детства, где когда-то жила и смеялась незнакомая те-

перь девушка по имени Маша, для него больше не существовало. Дверь захлопнулась. И он остался здесь. С ними.

Их жизнь приобрела густоту и специфический аромат, как суп, который слишком долго томился на огне. Если раньше время текло прозрачным, предсказуемым ручьем – школа, обед, двор, уроки – то теперь оно превратилось в мутный, бурлящий поток, где всплывали то островки пьяного веселья, то целые материки похмельной апатии. Появился новый распорядок дня, не утвержденный никаким министерством, но оттого не менее обязательный. Утро теперь часто начиналось не с будильника, а с глухой, пульсирующей боли в висках и горького привкуса на языке, словно ночью во рту гасили окурок. День был посвящен героическим усилиям по имитации жизни: просидеть шесть уроков, кивая головой с выражением лица задумчивого идиота, а после – сломя голову нестись к точке сбора, где уже курили, сплевывая сквозь зубы, Вова и Кирилл.

Пиво стало их хлебом насущным, их жидкой валютой, их универсальным растворителем проблем. Не то красивое, в стеклянных бутылках, которое с умным видом потягивают герои сериалов, а наше, родное, пастеризованное до состояния бактериологической стерильности, в полторалитровых пластиковых бутылках с кричаще-желтыми или ядовито-зелеными этикетками. Оно стоило копейки, пахло дрожжами и тоской, а на вкус напоминало горькую, газированную во-

ду, в которую для солидности добавили каплю спирта. Его главным достоинством была скорость. Бутылка, пущенная по кругу, исчезала за пару минут, и вот уже мир обретал легкую, зыбкую размытость, края реальности слегка загибались, а смех становился громче и немотивированнее. Они пили его везде, возле школы, за гаражами, в подъездах, и эти бутылки, брошенные под старые покрышки, образовывали целые археологические слои, по которым будущие историки смогли бы датировать эпоху их отрочества.

Курение из подросткового бунта превратилось в рутину, в такой же необходимый ритуал, как чистка зубов. Сигареты были самые демократичные – пачки которых, купленная в складчину, жила недолго, переходя из липких, потных рук в руки, как эстафетная палочка всеобщего братства. Но был и другой, элитный, таинственный дым – химозно-травяной. Это была уже не забава, а нечто серьезное, почти сакральное. Вова и Кирилл относились к этому процессу с сосредоточенностью алхимиков, проводящих тайный опыт. Они забивались в самый темный, дальний угол, за груды старых шин, и оттуда доносился тот самый, сладковато-едкий запах, который въедался в одежду намертво. Вася, поддавшись уговорам, попробовал (спустя большое количество времени, уже забыл что это). Эффект был сродни попаданию под грузовик. Горло сжалось в спазме, мир поплыл, но не в приятном тумане, а в липкой, тошнотворной пелене, время растянулось, как жвачка, а мысли путались, натываясь друг на дру-

га, как пьяные мухи на стекле. Выглядел он, по словам Вити, «как только что выкопанный корнеплод с широко раскрытыми от ужаса глазами». Больше он не повторял, но сама возможность этого «следующего уровня» витала в воздухе, давя на него незримым прессом. Витя, верный своей роли подражателя, пробовал, кашлял до слез, но, красный и задыхающийся, бормотал: «Нормас, прикольно», пытаясь сохранить лицо перед старшими товарищами.

Но истинным сердцем, черной дырой, засасывающей их время, деньги и остатки душевного здоровья, стал компьютерный клуб. Не тот домашний, почти что уютный Celeron, а настоящий, коллективный, тотальный – клуб «Катакомбы». Это было не просто место, это была целая экосистема, параллельная вселенная, существовавшая по своим, жестоким и примитивным законам.

Локация соответствовала названию на все сто процентов. Чтобы попасть внутрь, нужно было совершить небольшой ритуал спуска в преисподнюю. Вход находился в торце самого унылого пятиэтажного дома на окраине района, рядом с заброшенным детским садом, чьи выбитые окна смотрели на мир пустыми глазницами. Дверь была всегда приоткрыта, словно кого-то вечно не закрывали, и вела вниз по узкой, обшарпанной бетонной лестнице. Ступени были скользкими от грязи и чего-то неопознанного, стены покрыты многослойными граффити, где признания в вечной любви к «Кате» соседствовали с матерными автопортретами и угрозами

«кому-то из 5-й школы». Воздух с каждым шагом вниз становился тяжелее, гуще, насыщеннее. Исчезал свежий ветер, пропадали запахи улицы, и вот ты оказывался в логове.

Бывшее бомбоубежище. Пространство было огромным, лабиринтообразным, с низкими сводчатыми потолками, которые давили на психику. Их в свое время наспех залили дешевой серой краской, и теперь она пузырилась и отслаивалась, как старая кожа, обнажая влажный, проступающий соляными разводами бетон. Освещение соответствовало антуражу: редкие, голые лампочки накаливания, висящие на длинных, перекрученных проводах, мерцали и мигали, отбрасывая на стены пульсирующие, уродливые тени, которые танцевали свой немой бал, повторяя судорожные движения игроков.

Но главным был не свет, а звук. Низкий, монотонный, всепроникающий гул. Это гудели десятки системных блоков, сбитых в плотные ряды на сколоченных из неструганых досок и уложенных кирпичей столах. Их вентиляторы, работая на пределе, выдували в спертый воздух тепло от перегретых процессоров и видеокарт, создавая в подземелье свой собственный, адский микроклимат. Температура здесь всегда была градусов на десять выше, чем на улице, и ты входил с мороза, а через пятнадцать минут с тебя уже текли ручьи пота.

Атмосфера... Атмосферу можно было резать ножом, если бы не бояться, что нож после этого придется выкинуть.

Это была адская, многослойная смесь запахов. Основной тон задавал сигаретный дым, особенно тот, едкий и приторный, от травы, который висел в воздухе тяжелым, неподвижным одеялом, въедаясь в волосы, кожу и легкие, вероятно, навсегда. К нему примешивался стойкий аромат дешевого пива, пролитого на пол и впитавшегося в бетон так, что, кажется, его уже ничто не выведет. Верхние ноты составляли кислотный дух десятков потных тел, не мытых по несколько дней, а басовые – вездесущая, вековая пыль, поднимаемая ногами с липкого, отполированного до блеска тысячью подошв пола. Вентиляции, разумеется, не существовало в природе. Дышали этим добровольно и за деньги. Входили с улицы относительно свежими, а через полчаса начинала раскалываться голова, но это считалось платой за вход в иной, цифровой рай.

Божеством, царицей и верховным жрецом этого подземного царства была Галина. Лет тридцати пяти, с телом, расплывшимся от сидячей работы и постоянного чаепития, она восседала на своем троне – стуле с оторванной спинкой – за импровизированным алтарем, сложенным из старого школьного стола. Ее лицо, когда-то, наверное, миловидное, теперь напоминало блин, забытый на сковороде, – бледное, одутловатое, с равнодушными, полуприкрытыми веками глазами. Она почти не двигалась, лишь изредка тяжелой, отёкшей рукой подносила к губам кружку с чаем, который вечно стоял на маленькой, допотопной электроплитке. Ее взгляд был прикован к собственному, маленькому монитору, где без-

остановочно, в наушниках, шли бразильские сериалы. Периодически она вслух комментировала перипетии сюжета: «Ну я же знала, что он ее козел!» или «Ах, Дуся бя, ну зачем ты ему поверила?». Она была не просто оператором, она была душой этого места, его неподвижным центром. Она видела все: и как старшеклассники отжимали деньги у младших, и как вспыхивали драки, и как кто-то тихо плакал в углу, проиграв последние деньги. Но ее реакция была всегда одинаковой – ледяное, абсолютное равнодушие. Она лишь монотонно, не отрывая глаз от экрана, бормотала: «Пацаны, не деритесь, а то вызову ментов» или «Кто опять пиво разлил?», но никогда ничего не делала. Создавалось стойкое ощущение, что Галина и «Катакомбы» – это единый, симбиотический организм. Она была зрителем этого цифрового чистилища, его вечным пленником и безучастным божеством.

Быт «Катакомб» был суров, как уклад в исправительной колонии. Главной религией был Контр-страйк. Зал регулярно оглашался нечеловеческими криками, в которых смешивались азарт, ярость и отчаяние.

– СТАВЬ БОМБУ! СТАВЬ БОМБУ, КАКИЕ Ж ВЫ КОЗЛЫ! – орал лохматый парень в замызанной куртке, вскакивая с места.

– МЕНЯЮ ПОЗИЦИЮ! ОЙ, ВСЕ... – его сосед тут же обреченно бросал наушники на стол.

– ДИМОН, ТЫ ГДЕ СТОИШЬ?! ТЕБЯ Ж ПЯТЫЙ РАЗ УБИВАЮТ В ОДНОМ И ТОМ ЖЕ МЕСТЕ! ТЫ ОДУМАЙСЯ!

– ЭТО ЧИТЕР! У МЕНЯ ДВЕ ПУЛИ ЕМУ В ЛОБ ПОПАЛИ, А ОН РАЗВЕРНУЛСЯ И УБИЛ! АДМИН! А-А-А-ДМИИИН!

Админа, разумеется, не было. Вернее, он был, но его звали Галина, и ее не интересовали земные распри. Ссоры из-за подозрений в читерстве, из-за украденных очков, из-за того, кто первый занял освободившееся место, были хлебом насущным. До полноценных драк доходило редко – слишком ценился доступ к заветному компьютеру, но потасовки у входа, в темном углу, были обычным делом. Здесь царил закон силы. Старшие, более наглые и крепкие ребята, могли запросто подойти к щуплому семикласснику, дрожаще держащему в потной ладони стопку рублей, и, глядя в упор, изречь: «Деньги есть? А ну отдавай, я быстрее отыграю, ты все равно сольешь». И Галина в этот момент делала вид, что с огромным интересом следит за судьбой бразильской героини. Это был естественный отбор, дарвинизм в его цифровом проявлении.

Были и другие, более мирные секты. Кто-то уходил в мрачные, бесконечные подземелья Диябло, часами фармя лут, его лицо в мерцании монитора становилось бледным,

как у вампира, а пальцы автоматически щелкали мышью. Кто-то строил цивилизации в Герои меча и магии, погружаясь в стратегические раздумья под возмущенные крики «контриков». Но «Контра» была царицей бала. Это была не просто игра. Это была идеальная модель их жизни – грязная, нервная, непредсказуемая, полная внезапных смертей и коротких, ярких вспышек триумфа, где выживал и побеждал не самый умный или добрый, а самый быстрый, наглый и безжалостный.

Вася с Витей были завсегдатаями. Они просаживали здесь все свои деньги, наскребанные на школьные обеды, выпрошенные у родителей под расплывчатые предлоги вроде «на новый учебник» или «на экскурсию». Они входили сюда, как в туман, и выходили через несколько часов ослепленные мерцанием мониторов, оглушенные грохотом виртуальных взрывов и матерщины, с раскаленной, пульсирующей головой и пустым, тоскливо звенящим кошельком. Но с ощущением, что прожили еще один маленький, но невероятно насыщенный отрезок какой-то иной, настоящей жизни. «Катакомбы» стали их настоящим, пусть и уродливым, домом. Это был тотальный побег. От скуки школы, от нравоучений родителей, от давящих мыслей о туманном будущем, которое теперь казалось таким далеким и несущественным, как сюжет из книжки, прочитанной в раннем детстве. В этом цифровом аду, в гуле вентиляторов, вонях и криках, они нашли свое новое, кривое, но кровное братство. И Галина, непо-

движная, как идол, царица этого подземного царства, была их молчаливой, равнодушной и вечной музой. Они были частью системы, винтиками в этом гремящем, вонючем и прекрасном механизме бегства от реальности. И это было лучшее, что у них было.

Школа медленно, но верно превращалась в размытый фон, в шумовую помеху на периферии их сознания. Она существовала как обязательный, но лишенный всякого смысла ритуал, вроде утренней чистки зубов – делаешь это автоматически, не вникая в суть процесса. Стены, еще недавно бывшие ареной их мальчишеских драм и триумфов, теперь казались просто окрашенными в веселые тона перегородками, отделявшими их от настоящей, кипящей за пределами школы жизни. Они приходили сюда не за знаниями, а по инерции, потому что так было заведено в той вселенной, которую населяли их родители, учителя и прочие «взрослые» – странные существа, живущие по непонятным и надуманным законам.

Учеба как таковая умерла, не оставив после себя даже призрака. Ее место заняла сложная, многоуровневая игра в имитацию. Главной задачей было не выучить, а создать правдоподобную видимость того, что процесс якобы идет. Дневник из инструмента контроля превратился в поле для художественного творчества, в пергамент, на котором разворачивались битвы за их шаткое душевное спокойствие.

Витя в этом новом мире стал настоящим мастером, виртуозом теневого ремесла. Его талант к подделке оценок достиг уровня высокого искусства. Он был не просто фальсификатором; он был реставратором, каллиграфом, психологом, знатоком бумаги. Его рабочее место – заваленный учебниками и фантиками угол стола в его комнате – напоминало лабораторию алхимика. Здесь царил строгий порядок: определенной мягкости ластик (слишком жесткий проедал дыру в тонкой бумаге дневника, слишком мягкий размазывал синюю пасту в грязное пятно), набор шариковых ручек от разных производителей (каждая – для подделки почерка конкретного учителя), линейка для подложки и даже лупа для особо сложных случаев, когда приходилось работать с закорючкой классной руководительницы или угловатым почерком учительницы математики.

Процесс напоминал работу часовщика. Сначала – диагностика. Витя подносил страницу дневника к свету, изучая структуру бумаги, глубину вдавления от учительской ручки. Потом – ювелирное удаление следов преступления. Он стирал «двойку» или «кол» не спеша, под одним, выверенным углом, мелкими, почти невесомыми движениями, чтобы не повредить верхний слой бумаги. Затем наступал самый ответственный момент – рождение новой реальности. Он подкладывал под лист страницу из старого толстого учебника, чтобы передавить фактуру, и легкими, летящими штрихами, едва касаясь поверхности, наносил каркас будущей «трой-

ки» или, в моменты особого вдохновения, «четверки». Он знал все нюансы: что Мария Юрьевна, учительница математики, ставила оценки с сильным нажимом, оставляя на обороте листа четкий рельеф; что историк Вячеслав Владимирович использовал фиолетовую пасту, но в школьном дневнике это не имело значения, ибо все записи должны были быть синими – это правило Витя соблюдал свято; что закорючка Вероники Васильевны, их классной, имела легкий наклон влево и маленькую петельку в конце. Его работы были безупречны. Он не просто исправлял оценки – он воскрешал их, даруя им новую, более респектабельную жизнь. Услуги его ценились высоко: расчет велся либо в твердой валюте (деньги на чипсы или пиво), либо в виде ответных услуг – отработка «долга» в виде помощи с еще чьим-то дневником или какая-нибудь иная мелкая поручение. Вася, наблюдая за этой титанической работой, испытывал сложную гамму чувств: восхищение перед мастерством друга, стыд за саму необходимость этого фарса и глухую, неосознанную тоску по чему-то настоящему, что осталось где-то там, в далеком прошлом, когда учиться было если не интересно, то по крайней мере не стыдно.

Параллельно с этой подпольной деятельностью, в их жизни существовала еще одна, куда более мучительная и непонятная сфера – девочки. Вернее, не девочки вообще, а два конкретных, сияющих и недоступных существа из параллельного класса – Таня и Лена. Они принадлежали к иной,

высшей касте. Их мир был выстроен из других материалов: из аккуратных причесок, собранных без единой выбившейся пряди, из чистых, пахнущих мылом рук с аккуратно подпиленными ногтями, из ранцев с брелками от модных радиостанций, а не с бирками от пивных банок, как у них. Они пахли не кислым дымом и потом, а чем-то легким, цветочным, сладким – шампунем, гелем для душа, беззаботным детством, которое у Васи и его компании уже безвозвратно закончилось. Между ними лежала не просто пропасть – целая геологическая эпоха отчуждения.

Попытки навести хоть какие-то мосты через эту пропасть были трагикомичны и обречены на провал с самого начала. Весь их арсенал средств для флирта состоял из убогих, списанных с третьесортных молодежных комедий, клише. Можно было, например, попытаться устроить «случайное» столкновение в школьном коридоре, в час пик, когда все несло на перемену.

– Ой, извини, – бормотал Вася, натываясь на Таню и чувствуя, как по его спине пробегает холодный пот.

Та отскакивала, как от чего-то горячего и липкого, ее лицо искажала не боль, а мгновенная, рефлекторная гримаса безразличия, будто он был не человек, а кусок грязного снега, упавший с чьей-то подошвы.

– Ничего, – отчеканивала она, даже не глядя на него, и, поправив портфель, растворялась в толпе, оставляя после себя лишь шлейф того самого, невыносимо прекрасного цветочного аромата.

Можно было попробовать блеснуть интеллектом, вернее, его жалкой пародией. Витя, подкараулив Лену у раздевалки после уроков, изрек с натужной, вымученной небрежностью, закладывая большие пальцы рук за ремень своих потертых джинс:

– Ну что, Лен, как успехи в освоении космических пространств? – Он имел в виду урок астрономии, который у них был первым.

Лена остановилась и посмотрела на него. Не на человека, а на экспонат в музее курьезов. Ее взгляд был лишен даже презрения; в нем было чистое, незамутненное недоумение, как если бы перед ней вдруг заговорил холодильник.

– Нормально, – сказала она безразличным тоном, которым сообщают прогноз погоды, и тут же повернулась к подруге, чтобы обсудить что-то по-настоящему важное – новую модель мобильного телефона или одежду.

Вершиной их отчаянной храбрости, актом, как им казалось, граничащим с самоубийством, стала попытка сделать подарок. Скинувшись по последним рублям, они купили в

ближайшем ларьке две плитки шоколада. План, выношенный в курилке за гаражами, был прост и гениален: «случайно» столкнуться с девочками у школьных ворот и, краснея, вручить им шоколад со словами: «Держи, ты сегодня хорошо выглядишь» или что-то в этом духе. Реализация оказалась катастрофой. Лена, увидев протянутую ей Витей помятую, уже чуть подтаявшую от жары в кармане плитку, смирила его взглядом, в котором смешались ледяное презрение, жалость и легкий испуг. Казалось, она боялась, что сама фактура этого дешевого шоколада, побывавшего в руках такого парня, может оставить несмываемое пятно на ее идеальной, накрахмаленной блузке.

– Спасибо, не надо, – произнесла она таким тоном, каким, вероятно, отказываются от яда, и, взяв Таню под руку, развернулась и пошла прочь, не оглядываясь.

Они остались стоять посреди пыльного школьного двора, с двумя дурацкими шоколадками в потных ладонях, под прицелом любопытных и насмешливых взглядов одноклассников, чувствуя себя не просто неудачниками, а какими-то инопланетянами, случайно забредшими в чужой, прекрасно отлаженный мир. Социальный разлом прошел по ним, как нож по маслу. Они были для этих девочек не потенциальными парнями, не ровней, а просто частью пейзажа – шумной, неопрятной, немного опасной и абсолютно неинтересной. Эта неудача ранила глубоко, но, парадоксальным обра-

зом, не рождала желания измениться, «подтянуться», стать лучше. Напротив, она с жестокой ясностью указывала им их место. И место это было не здесь.

Их настоящая жизнь, жизнь со смыслом, адреналином и своими, честными законами, протекала не в классах и не в унижительных попытках вписаться в чужой круг, а в особых, межсекторных пространствах. В этих «ничьих» землях, на стыке официальной и подпольной картографии их города. Они были гражданами этой, нигде не обозначенной республики, и ее география была четко выверена.

Школьные туалеты. Эти кафельные камеры были не просто уборными, а клубами, штабами, дипломатическими салонами. Здесь, в облаках едкого табачного дыма, под приглушенный гул спускаемой воды, они прятались на переменах, чтобы обсудить планы на вечер, поделиться новостями из «Катакомб», решить, у кого остались деньги на пиво. Учителя, порой дежурившие в коридорах, в большей своей части обходили эти места стороной, и эта маленькая победа над системой была сладка.

Лестничные клетки их подъездов. Особенно ценился пролет между четвертым и пятым этажом – достаточно высоко, чтобы их не беспокоили, и достаточно далеко от своей собственной квартиры, чтобы можно было сделать вид, что ты только что вышел. Они сидели на холодных бетонных ступенях, слушая через один наушник, вставленный попеременно в уши, новые треки, скачанные только что появившемся

интернете, и смотрели в окно на угасающий вечер. Здесь решались судьбы, строились планы, делились последними сигаретами.

Задний двор школы после окончания уроков. Они пережидали здесь, пока не разойдется основная масса учеников – эти стайки аккуратных, прилежных ребят, спешащих домой на кружки и к репетиторам. Стоять и наблюдать за этим потоком «благонадежных» было странным удовольствием – чувствовать себя не частью стада, а сторонним наблюдателем, волком, выжидающим в засаде.

Путь от школы до «Катакомб». Этот быстрый маршрут был не просто переходом из точки А в точку Б. Это был ритуал очищения, коридор, ведущий из одного измерения в другое. Они шли гурьбой, занимая собой весь тротуар, громко переругиваясь, смеясь, сплевывая шелуху от семечек под ноги редким прохожим. С них постепенно спадала липкая, невидимая плена школьной обязательности, предрассудков и условностей. К моменту, когда они подходили к той самой, неприметной двери, ведущей в подземелье, они уже были другими – не учениками, а обитателями «Катакомб».

И, наконец, сами «Катакомбы» – конечный пункт, святая святых, утроба, порождавшая их новое «я». Здесь, в гуле процессоров и вонючем мареве, их ценности – виртуозность в игре, крутизна, умение постоять за себя – были единственной истиной. Здесь они были не изгоями, а своими. Здесь они были кем-то.

Школа стала лишь размытым пятном на карте их жизни, которое стиралось, едва они переступали порог компьютерного клуба. Все важное, все, что имело вес и значение, происходило в этих межсекторных пространствах, в географии их отчуждения. И их паспортами были не заслуженные оценки и не одобрение учителей, а замызганные пачки «Беломора» в кармане куртки, твердая рука в виртуальной перестрелке и знание, что настоящий друг – это тот, кто поделится с тобой последней затяжкой, прикроет в драке и не бросит, когда из карманов торчит лишь ветер. Все остальное было иллюзией, навязанной им извне.

Бывают потери, которые случаются мгновенно, с грохотом и болью, как падение с дерева, когда кость хрустнула и все понятно. А бывают – тихие, ползучие, как сырость по стенам заброшенного дома. Сперва просто проступает пятно, потом штукатурка пучится, а через год обваливается целый пласт, обнажая гнилую сердцевину. Возвращение Сергея было именно таким – не событием, а процессом распада, который случился задолго до того, как они это осознали.

Сергей был не просто другом. Он был архитектором и соучастником целой эпохи их жизни, как им казалось. Той, что осталась по ту сторону невидимого, но прочного барьера под названием «до». До первого сигаретного дыма, глубоко втянутого в легкие. До первой пьяной рвоты за гаражами. До первого ощущения, что мир – это враждебная крепость,

которую нужно не покорять, а обходить стороной. Вместе с Сергеем они строили эту эпоху из подручного материала: из старых покрышек, которые служили им то крепостью, то космическим кораблем; из стеклышек, разложенных на солнце в надежде выжечь огнем тайное послание; из абрикосовых косточек, закопанных в дальнем углу двора с твердой верой, что к утру вырастет дерево. Он был частью химического состава их дружбы, тем катализатором, который превращал скучный свинец будней в золото приключений. А потом его не стало. Не из-за ссоры или драки. Просто однажды его отец, нашел работу получше, и они, как перекасти-поле, сорвались с насиженного места и укатили в Томск. Для Васи и Вити Томск был не городом на карте, а метафорой абсолютной дали, сибирской Антарктидой, местом, куда ссылают и откуда не возвращаются. От него остались редкие, сиротские открытки с видами незнакомых улиц и смутное, ноющее чувство пустоты, которая со временем затянулась, как зарастает тропинка в поле, – сначала было заметно, куда она вела, а потом и след простыл.

И вот, спустя несколько лет, он вернулся. Не громко, не с парадом, а тихо, как призрак, материализовавшийся на углу их улицы в самый заурядный, пасмурный день. Они столкнулись с ним у ларька, этого храма их повседневных мелких нужд, где покупали сигареты, жвачку для показной бравады и самые дешевые чипсы со вкусом салями, который не имел к ней никакого отношения. Сергей вышел, и разница была

не в том, что он вырос или голос стал грубее. Разница была в дерзости. Куртка на нем была такая же, как у всех – небогатая, с того же рынка. Но сидела она на нем иначе: не мешком, а четко по фигуре, капюшон отстрочен, молнии – тяжелые, ходят туго. И кроссовки – обычные китайские, но чистые, будто он не шагал по пыльной земле, а шел поверх нее.

В руках он сжимал не пакет с семечками, а бутылку пива. Но суть была не в этом. Суть была в том, как он двигался. Его привычная сутулость, готовность отскочить от брошенного камня или окрика, исчезла. Он шел прямо, напористо, почти нагло, будто место под ногами теперь принадлежало только ему.

Его всегда живой, насмешливый взгляд теперь скрывали простые затемненные очки. За стеклами ничего нельзя было разглядеть, только смутное отражение того, кто на него смотрит. Это был уже не просто Сергей. Это была новая, пересобранная версия. Версия, которая больше не читала старых шуток и не понимала прежних правил.

– Серега? – голос Вити прозвучал сдавленно, почти шепотом, полным той же неуверенности, с какой он когда-то звал его, прячась в темном подвале.

Тот замедлил шаг. Повернул голову. Поворот был плавным, отточенным, как у манекена в витрине. На его губах играла не улыбка узнавания, не тот озорной, радостный оскал, каким он встречал их когда-то, а нечто вроде вежливого, от-

страненного любопытства, с каким рассматривают старую, выцветшую фотографию, на которой с трудом узнаешь себя в нелепом детском наряде.

– Пацаны. Привет.

Они стояли, разделенные бездной в два метра шириной, но казалось, что это пропасть в несколько световых лет. Молчание висело между ними, густое, тягучее, как патока. Вася пытался найти в его лице, в овале, ставшем резче, в скулах, выступивших вперед, хоть что-то знакомое, родное – ту самую смешную родинку над губой, которую они в шутку называли «мухой», шрам на левой брови, оставшийся после прошлых драк. Но его взгляд упрямо соскальзывал на безупречный, лишенный складок крой его куртки, на холодный, отталкивающий блеск гаджета в его руке, на часы с хромированным браслетом, туго сидящие на запястье.

– Как ты? – выдавил наконец Вася, и его собственный голос показался ему писклявым, незрелым, голосом все того же щекастого пацана, каким он был три года назад.

– Нормально, – ответил Сергей, и это «нормально» прозвучало как «отлично», «превосходно», но сказанное с такой утомительной, брезгливой небрежностью, будто это было нечто само собой разумеющееся, как восход солнца или смена времен года. – Живем-поживаем.

– Ты... надолго? – не сдавался Витя, цепляясь за призрак

прошлого, как утопающий за соломинку, его пальцы нервно теребили зажигалку в кармане.

– Ага. Родители решили вернуться. На «Верхах» теперь хату взяли. Так что, видимо, да.

«На «Верхах». Эти два слова прозвучали как финальный, оглушительный аккорд, после которого в зале воцаряется гробовая тишина. «Верха» были не просто другим районом, другим почтовым индексом. Это была иная социальная планета, с иной гравитацией. Там появляться чужим не приветствовалось.

Сзади к Сергею подошли двое. Такие же «оправленные», отполированные, с такими же отстраненными, сканирующими взглядами, которые скользнули по Васю и Витю, быстро оценили степень угрозы (нулевую) и степень интереса (такую же нулевую) и вернулись к Сергею. Один что-то бросил ему сквозь зубы, короткое, неразборчивое слово, другой нетерпеливо переминался с ноги на ногу, поглядывая на часы. Сергей кивнул им, едва заметным движением головы, давая понять, что ситуация под контролем и вот-вот будет исчерпана.

– Ладно, пацаны, у нас дела. Мы погнали. Счастливо!

Он повернулся и ушел. Не как друг, забегающий на пять минут, чтобы схватить пачку сигарет и поделиться новостью, а как чиновник, закрывающий ненужный, затянувшийся прием. Его спутники бросили на Васю и Витю последние,

короткие, уничижительные взгляды – быстрою, окончательную оценку биологического мусора – и последовали за ним. Их смех, донесшийся из-за угла, был громким, самоуверенным, но каким-то кастовым, предназначенным только для своих, отгороженным от всего остального мира звуконепропускаемой стеной денег и безразличия.

Разрыв был абсолютным, окончательным и беспощадным в своей простоте. Он не игнорировал их – игнорируют того, кто хотя бы существует в твоём поле зрения, кто может быть потенциальной помехой или раздражителем. Он их не видел. Они стали для него частью пейзажа, неотличимой деталью серого, убогого городского фона, вроде треснувшей плитки на тротуаре или облезлой рекламы на заборе. Случайные встречи – у киоска, на автобусной остановке, в переходе – были для Васи и Вити краткими, болезненными уроками в искусстве быть невидимым. Он проходил мимо, и его взгляд, если он вообще на секунду останавливался на них, был пустым, скользящим, как взгляд человека в переполненном лифте, бессмысленно уставленный в табличку с этажами. Холодный, едва заметный кивок, не задерживающийся ни на миллисекунду, и он уже позади, его прямая, неуязвимая спина – последний, неоспоримый аргумент, ставящий жирную точку в многолетней истории их дружбы.

Их компании просто не смешивались. Не потому, что кто-то был лучше или хуже, а потому, что они были как разные химические элементы, которые, соединяясь, не давали реак-

ции, а лишь мутный осадок. Вася и его ребята были стихией двора: их общение строилось на выстреливающих как пробка шутках, на давно сложившемся ритме, где каждый жест, каждая насмешка были понятны без слов. Их разговоры текли по проверенным руслам – о старых фильмах, о бессмысленном и прекрасном времяпрепровождении, смысл которого был не в действии, а в самом факте присутствия друг друга.

Сергей же теперь принадлежал к другой стихии. Вася видел это по тому, как он изменился. Его юмор стал другим – более отточенным, циничным, отсылающим к шуткам и историям, неизвестным Васе и его компании. Их общие воспоминания, когда-то скреплявшие их как братьев, теперь будто выцвели. Попытка Васи оживить их новой шуткой натыкалась на вежливую, но отстраненную улыбку Сергея – он уже жил в другом настоящем.

Именно в этом и заключалась вся горечь. Не в том, что Сергей занял другое положение, а в том, что он стал другим человеком, который говорит на чуждом языке. Им стало не о чем говорить. Их диалоги превратились в короткие, неловкие обмены фразами, в которых сквозила мучительная вежливость двух бывших близких людей, вдруг осознавших, что все общие темы исчерпаны, а новые – не появляются. Раньше между ними проходила невидимая нить понимания, а теперь – прозрачная, но неодолимая стена из разного опыта, разных интересов и разных кругов общения, которые отка-

зались сливаться в один.

Вася смотрел иногда из окна своей комнаты на огни того района, где теперь жил Сергей. Они мерцали, как далекие, холодные звезды. И он с болезненной, пронзительной ясностью понимал, что его друг не просто переехал. Он улетел на другую орбиту, в иную систему связей и разговоров, откуда не было возврата. И гравитация той, иной жизни, того нового круга, что обступил Сергея, была так сильна, что разорвала их общее прошлое, как паутину.

Интермедиа

Конец июля во Владивостоке – это не просто летний месяц. Это состояние вселенной, когда Японское море, кажется, решает испариться и пролиться обратно на город разом. Воздух становится густым, соленым и тяжелым, как бульон. Дышать им – все равно что пить теплую воду. Город, прилепившийся к скалистым бокам сопок, в такую погоду теряет четкие очертания. Бетонные коробки, стеклянные фасады новостроек и ржавые крыши старых кварталов расплываются в единую серо-зеленую массу, подернутую дымкой. А дождь... Он не идет. Он висит. Сплошной, плотной стеной, сквозь которую мир видится, как сквозь грязное аквариумное стекло.

Именно в этот аквариум и угодил Вася. Василий Николаевич Петров, сорока пяти лет от роду, менеджер регионального филиала довольно крупной компании, импортирующей

запчасти и оборудование из стран Азии. В его голове случалась одна-единственная, паническая мысль: «Успеть!» В промокшей насквозь кожаной сумке, которую он, как щит, прижимал к груди, лежала судьба контейнера. Не просто контейнера – целого плавучего острова сокровищ: триста семьдесят японских «умных» унитазов с сенсорными панелями, подогревом сиденья, встроенными динамиками для создания «акустического комфорта» и функциями, названия которых он даже выговорить не мог. И еще пятьсот корейских массажеров для шеи и спины, напоминающих то ли спрутов, то ли детали от фантастического робота. Каждый день простоя этого великолепия на складе временного хранения стоил его компании кругленькую сумму, а отсутствие одной-единственной, дурацкой справки от таможенного инспектора грозило задержкой еще на сутки. «Растаможить», – мысленно выругался он, спотыкаясь о разбитую плитку. Слово-то какое – будто тебя самого собираются размочить, размазать, лишить формы. Чувствовал он себя именно так.

Он выбежал на площадь перед зданием мэрии – огромное, вымощенное плиткой пространство, которое всегда казалось ему вопиюще пустым. Пятнадцать, нет, уже все шестнадцать лет назад, на красочных проектах, которые он тогда листал в местной газете «Владивосток» здесь красовалась многоуровневая парковка. Мечта для вечно задыхающегося от машин центра! Они тогда в университете с Саней, своим тогдашним одноклассником, пили дешевое пиво, обсуждая, как это все

изменит город. Но город изменился иначе. Вместо парковки вырос холодный, стерильно-зеркальный небоскреб, в окнах которого сейчас тускло отражались свинцовые тучи. А весь транспорт, как проклятый, продолжил стихийно цепляться к обочинам, создавая хаотичный, дышащий клаксонами лабиринт. Его собственную, идеально вымытую вчера иномарку, символ достигнутого статуса и, как он считал, разумной жизни, он с трудом впихнул в полузаконную щель между остановкой и торговым центром, сунув под «дворники» записку с номером телефона. Теперь его костюм впитал влагу, как губка, и тянул вниз, а туфли ручной работы хлюпали с таким видом, будто наслаждались своим падением с эlegantного олимпа в эту владивостокскую грязь, сдобренную морской солью и вечной пылью стройплощадок.

«Вот она, кульминация карьеры, – с горькой иронией подумал он, перепрыгивая через бурный ручей, сбегавший с тротуара. – В сорок пять – спринтерский забег в отглаженных брюках, с папкой бумаг вместо эстафетной палочки. Мечтал о яхте, о контрактах, о том, чтобы бороздить моря, как когда-то в юности, чувствуя ветер свободы. А вместо этого – борозжу коридоры таможенных терминалов, а на волны люблю только на мониторе компьютера, да и то в виде графиков поставок».

Спуск по улице Семеновской был всегда крутым, а в дождь – откровенно опасным. Брусчатка, красивая и историчная, превращалась в каток. Вася замедлил шаг, цепляясь

взглядом за вывески, за мокрые стены домов, за людей, жмущихся под козырьками. Он искал точку опоры, физическую и ментальную. Взгляд его автоматически скользнул влево, в ту сторону, где за частоколом кранов и серыми силуэтами судов угадывался порт. Там, в этой вечной движухе, в гудках теплоходов и запахе машинного масла, прошла его молодость. Они с пацанами, тогда вечно голодные, но горящие амбициями парни, простаивали часами на причалах, курили дешевые сигареты, строили планы. Грезили своим делом, какой-нибудь мастерской, а Вася – офисом в центре, важными переговорами, галстуком. Портовый ветер тогда казался им ветром странствий и возможностей. Теперь этот ветер лишь нес влажную прохладу и запах разложившейся где-то водоросли. Возможности реализовались, странствия свелись к командировкам, а порт стал просто элементом пейзажа за окном.

На перекрестке, где Семеновская упиралась в одну из бесчисленных, вечно загруженных артерий, он замер, ожидая зеленого света. И в этот момент, сквозь пелену дождя и поток машин, он увидел. Сначала – просто движение, суету. Потом – детали. Группу людей, непохожую на безликую толпу. Это было маленькое, мобильное, шумное сообщество. Трое детей – девочка лет десяти, пытавшаяся укрыться дождевиком, и два мальчугана помладше, которые, напротив, с азартом шлепали по лужам в ярких резиновых сапогах-динозаврах. И двое еще совсем малышей: один – в сложной кон-

струкции коляски-трансформера, другой – на руках у женщины.

Женщина. Это слово не совсем подходило. Это была скорее крепость, воплощенная в человеческом облике. Крупная, широкая в кости, с лицом, на котором читалась не усталость (хотя, несомненно, она была), а спокойная, практическая, почти воинственная собранность. Русые волосы, заплетенные в тугую, небрежную косу, лежали тяжелым жгутом на плече. Она одной рукой ловко управлялась с коляской, другой – держала за капюшон дождевика самого непоседливого мальчишку, не повышая голоса, что-то говоря ему. И он слушался.

А чуть поодаль, у открытого павильона с кричащей вывеской «ШАУРМА №1» стоял мужчина. Он что-то заказывал, перекрикивая шум дождя и гул двигателей. И в его осанке, в том, как он, чуть склонив голову, слушал что-то продавца, в знакомом жесте руки – Вася узнал Сергея. Не сразу. Узнавание пришло волной, отозвавшись где-то глубоко в подкорке, задолго до того, как сознание сложило детали в целое.

Сергей. Но не тот Сергей, которого он хранил в памяти – худощавый, порывистый, с горящими глазами фанатика какой-нибудь новой идеи. Этот был плотнее, основательнее. Рабочие потертые штаны, темная куртка-«бомбер», насквозь мокрая в районе плеч. Стрижка «под ноль», открывавшая сильный, немного уставший лоб. И самое главное – выражение лица. Оно было спокойным, даже мирным. Он

что-то сказал продавцу, и тот ответил шуткой. Сергей рассмеялся. Это был не сдержанный смех делового человека, а громкий, открытый, грудной хохот. Смех человека, который здесь, сейчас, в этом хаосе мокрого перекрестка, запаха жареного мяса и детских криков, чувствует себя абсолютно на своем месте. Он обернулся, крикнул что-то жене. Не имя, не слово – просто короткий, гортанный возглас, понятный только им двоим. Женщина обернулась, и на ее серьезном лице расплылась улыбка – быстрая, светлая, полная такого глубокого понимания и молчаливого диалога, что Васе, стоящему в двадцати метрах в своем мокром одиночестве, стало физически неловко, будто он подглядывает за чем-то слишком личным, слишком настоящим.

Загорелся зеленый. Племя пришло в движение. Сергей взял два огромных, заляпанных жиром пакета с шаурмой, перекинул их в одну руку, другой ловко подхватил у жены малыша, водрузив его к себе на плечи, как трофей. Весь этот процесс – перераспределение детей, сумок, еды – был отточен, как слаженный танец. Никакой суеты, только эффективная, привычная синхронность. И вся эта шумная, мокрая, пахнущая теперь еще и жареным луком кавалькада двинулась к обочине, где стоял автомобиль. Не старый «Куб», как показалось сначала впопыхах, а добротный, но явно не новый минивэн, весь в мелких царапинах и с потертой наклейкой какого-то детского центра на заднем стекле. Он был припаркован с включенной «аварийкой» в явно неподобающем

месте, но с таким видом, будто это его законное право.

И вот тогда, усаживая ребенка в кресло и поднимая голову, Сергей взглянул через улицу. Его взгляд скользнул по фигуре в безнадежно испорченном деловом костюме, по лицу, искаженному усталостью и спешкой. На секунду в глазах Сергея застыло простое человеческое любопытство к промокшему незнакомцу. Потом зрачки чуть расширились. Мелькнула искра – не радости, не тепла. Скорее, смутного, отдаленного узнавания. Как когда видишь человека, с которым учился в одном классе, но чье имя уже не можешь вспомнить. Процесс идентификации занял мгновение, и его итогом стал едва заметный, сдержанный кивок. Тот самый кивок, которым обмениваются соседи, случайно встретившиеся в супермаркете, – вежливый, необязывающий, мгновенно отгораживающий личное пространство. Больше ничего. Ни улыбки, ни жеста приблизиться. Кивок – и сразу же, без паузы, все внимание вернулось к своему миру: нужно было пристегнуть малыша, убрать коляску в багажник, рассадить остальных.

Вася перешел улицу. Ноги двигались сами, автоматом. Он продолжил путь к таможенному терминалу, но его внутренний мир, только что заполненный паникой из-за справки, теперь был пуст и звучно гудел от неожиданного открытия. Он все эти годы ошибался. Тщательно лелеемая, кисло-сладкая горечь, которую он изредка ощущал, вспоминая Сергея, была не о том. Он был уверен, что их развела судьба, что Сер-

гей, уехав куда-то типа Москвы (а Вася был уверен, что он уехал «штурмовать столицу»), добился головокружительно-го успеха, обзавелся связями, деньгами и теперь с высоты своего положения смотрит на него, провинциального менеджера, с холодным пренебрежением. Он выстраивал в воображении образ этакого холодного, глянцевого топ-менеджера с ледяными глазами и тонкой, изящной женой. И вот этот образ, этот краеугольный камень, рассыпался в прах при виде потертого минивэна, пакетов с шаурмой и этой простой, сильной женщины, чьи руки знали, каково это – держать весь этот маленький, шумный мир.

Пропасть между ними оказалась вырыта не карьерой и не деньгами. Ее проложила сама жизнь, ее фундаментальный, бытовой выбор. Сергей выбрал другую материю существования – плотную, тесную, шумную, наполненную до краев простыми заботами и простыми радостями. Его жизнь была про земное притяжение: детские сады, родительские собрания, кредиты на ремонт, выбор между шаурмой и домашними пельменями, эта немыслимая, выработанная годами способность понимать супругу с полуслова, с полувзгляда. А жизнь Васи была про другую гравитацию – орбитальную. Он вращался вокруг других центров: офис, контракты, показатели, тихие ужины в одиночестве или в обществе таких же, как он, деловых партнеров, обсуждение трендов, премии, покупка очередной статусной безделушки в пустую квартиру. Их языки стали не просто разными – они стали принадлежать

разным вселенным. И ни один переводчик в мире не смог бы перевести заботу о пресс-папье на столе в заботу о том, чтобы ребенок не промочил ноги.

Он дошел до терминала, отдал документы. Молодой человек за стеклом с лицом, выражавшим хроническую скуку и легкое отвращение ко всему человечеству, взял папку, бегло взглянул и бубнул, не глядя: «Система лежит. Ждите. Минут сорок, не меньше».

Вася не стал спорить. Он молча опустился на жесткий пластиковый стул в углу зала, с которого открывался вид на окно. За стеклом, в которое струились потоки воды, как в гигантском аквариуме, медленно плыли огни портовых кранов, тускло светились окна небоскреба на месте несостоявшейся парковки. Он сидел и смотрел на этот свой город, который когда-то был их общим. И думал о невидимых силах, определяющих траектории. О гравитации. Сила притяжения семьи, этого маленького, теплого солнца, вокруг которого вращался Сергей, оказалась мощнее, непреодолимее любых, даже самых амбициозных деловых проектов. Она беззвучно, но неумолимо увлекла его друга в свою систему, на свою орбиту, где были свои законы, свои праздники и свои, неведомые Васе, катастрофы. А их общее прошлое, та юношеская дружба, что казалась такой прочной, нерушимой, как скалы того самого порта, на котором они мечтали, оказалась хрупкой конструкцией, паутинкой. Она не выдержала не предательства, а простого расхождения курсов. Она не могла удерж-

жать ничего, кроме осадка – но теперь осадок этот был не мутной обидой, а кристально чистым, горьким пониманием.

Именно в этом и заключалась вся горечь. В том, что он стал другим человеком, который говорит на чуждом языке. Им стало не о чем говорить. Их диалоги превратились бы в короткие, неловкие обмены фразами, в которых сквозила мучительная вежливость двух бывших близких людей, вдруг осознавших, что все общие темы исчерпаны, а новые – не появляются. Раньше между ними проходила невидимая нить понимания, а теперь – прозрачная, но неодолимая стена из разного опыта, разных интересов и разных кругов общения, которые отказались сливаться в один.

Он вышел из терминала уже в сумерках. Дождь почти прекратился, осталась лишь мелкая, колючая морось. Справка была у него в кармане. Он не побежал, а пошел медленно, уже не замечая влаги, пропитавшей его одежду. Он шел и думал, что, возможно, настоящая цена зрелости – не в количестве подписанных контрактов или в сумме на счете. Она в мужестве признать эти тихие, необратимые расхождения. Признать, что люди, когда-то бывшие частью тебя, просто берут и уходят по своим орбитам, унося с собой общие воспоминания, как сувениры из ушедшей эпохи. И после этого признания – не пытаться их вернуть, не злиться на несправедливость мироздания, а просто, тяжело ступая по мокрому асфальту, продолжать идти по своей собственной, одинокой, но единственно возможной для него траектории. Он дошел

до своей машины. Эвакуатора, слава богу, не было. Он сел за руль, и тишина салона, нарушаемая лишь звуком работающего кондиционера, показалась ему вдруг оглушительной после того шума жизни, свидетелем которой он только что стал. Он завел двигатель и медленно поехал домой, к своей тихой, упорядоченной квартире.

Именно в этот момент полного, тотального отчуждения, когда земля уходила из-под ног, а старые опоры рушились одна за другой, новое увлечение компании стало для них не просто развлечением, а шумным, вонючим, оглушительным ритуалом саморазрушения, который цементировал их братство и одновременно возводил непроницаемую стену между ними и всем остальным, враждебным миром.

Инициацию, как и многое другое в их жизни, провел Кирилл. Он принес это сокровище не с таинственным, конспиративным видом, не как нечто запретное и пугающее, а с деловым, почти что профессиональным равнодушием, с каким он обычно относился к новым партиям покрышек на шиномонтаже. Это была самокрутка, толстененькая, нелепо пузатая, пахнущая не табаком, а чем-то сладким, травянистым и химическим одновременно, с оттенком жженой пластмассы и аптечной настойки – особая «травка». Но в виде масла. Вываренная, как он говорил, на самом чистом. «Прозрачка».

Местом для ритуала был избран их штаб – дальний, глухой угол за школой, где сама школа образовывала нечто вро-

де каменного мешка, защищенного от любопытных глаз. Вечер был теплым, влажным, воздух гудел от комаров, и в небе, затянутом городской рыжей дымкой, тускло светилась первая звезда. Кирилл, как верховный жрец нового культа, ловким движением чиркнул зажигалкой, поднес огонь к кончику «косяка», сделал глубокую, профессиональную затяжку, втягивая дым так, будто это был жизненно необходимый кислород, и протянул его Вове. Тот, не моргнув глазом, с привычной уже бесшабашностью, повторил движение, задержал дым в легких и медленно, со стоном удовольствия, выпустил его струйкой в потный вечерний воздух. Потом очередь дошла до Вити. И вот здесь, на этой грани между показной бравадой и животным страхом, начался настоящий театр абсурда.

Витя, пытаясь скрыть робость и внутреннюю дрожь, сжал беломор в пальцах так, как будто пытался удержать живую, ядовитую змею, готовую в любой момент ужалить. Его лицо выражало предельную концентрацию. Он сделал робкую, короткую, судорожную затяжку, и тут же его легкие, не привыкшие к такой адской смеси, взбунтовались. Он закашлялся так, что, казалось, вот-вот вывернет наизнанку все свои внутренности. Он задыхался, хватая ртом воздух, его лицо покраснело, как спелый помидор, из глаз брызнули слезы. Он кашлял, смеялся сквозь спазмы и снова кашлял, вызывая оглушительный, нервный хохот остальных.

– Легче, братан, не торопись, дым то не глотай, – усмех-

нулся Вова, с наслаждением наблюдая за этой пантомимой, — это тебе не ментоловый «Море».

Потом пришла очередь Васи. Он взял теплую, чуть влажную от многих рук и слюны самокрутку. Запах был отталкивающим, назойливым, он въедался в слизистую, вызывая легкий рвотный позыв. Он сделал небольшую, пробную затяжку. Едкий, обжигающий дым ударил в горло, пополз в легкие, наполняя их странной, тяжелой тяжестью. Он задержал его, как видел у других, считая про себя секунды. Мир на мгновение замер, звуки отдалились, а потом его накрыло волной. Не эйфории или просветления, а странной, ватной пустоты. Голова стала тяжелой и не своей, мысли замедлили свой бег, превратившись в вязкую, тягучую субстанцию. Звуки стали приглушенными, как из-под толстого одеяла или слоя воды. Он почувствовал легкую, подкатывающую к горлу тошноту и странное, беспричинное, идиотское желание смеяться над перекошенным от кашля лицом Вити.

Вновь первые опыты спустя какое-то количество лет были комичными, нелепыми и в какой-то мере жалкими. Кто-то, накурившись, начинал беспричинно, истерично хохотать над трещиной в асфальте, находя в ее извивах сакральный смысл и сходство с картой мира. Кто-то, наоборот, впадал в глубокий, немой ступор и мог просидеть не двигаясь, уставившись в одну точку на ржавом боку гаража, пытаясь разгадать тайну мироздания, скрытую в потеках ржавчины. Витя, разок перебрав, уверял всех, что видит, как «воздух ше-

велится, как желе, и в нем плавают разноцветные шарики». Их координация нарушалась, речь замедлялась, слова путались, а попытки встать и дойти до угла, чтобы справить малую нужду, выглядели как неуклюжие, забавные упражнения в замедленной съемке, часто заканчивающиеся падением или столкновением с невидимой преградой.

Но очень быстро, с пугающей скоростью, это стало рутиной, частью их быта, таким же неотъемлемым ритуалом, как утреннее умывание. Ежедневный алгоритм был прост, точен и отработан до автоматизма. После школы, а часто и вместо нее, они скидывались. Покупка дешевого пива в двухлитровых пластиковых бутылках и «косяков» у Кирилла, который, будучи прагматиком, быстро наладил нехитрые, но стабильные «поставки». Поиск укромного, скрытого от посторонних глаз уголка. Чаще всего – темный, пахнущий мочой, мусором и вековой пылью подъезд в соседней девятиэтажке, где жильцы давно махнули на все рукой. Или все те же задворки родной школы, когда окончательно стемнеет и последний охранник, звякая ключами, уйдет домой. Они садились на холодный бетон ступеней. С шипением откручивалась пробка с пивной бутылки. Закуривался косяк. И начиналось их великое, бессмысленное и трагическое действо.

Разговоры под кайфом приобретали сюрреалистический, псевдоглубокий оттенок. Им самим они казались гениальными, пророческими, они чувствовали, что касаются тайн бытия, но на самом деле это был бессвязный, пустой бред,

лишенный смысла, как сновидение, которое кажется осмысленным только внутри самого сна.

– А вот представь, – говорил Витя, его глаза были остекленевшими, зрачки расширенными, – что мы все... не мы. А нас просто кто-то играет. Как в игре. И вот он, тот, кто играет, вышел покурить, отвлекся, а мы тут сидим и сами по себе. И думаем, что мы свободны.

– А если он не вернется? – философски, с набитым ртом, отвечал Вася, чувствуя, как его собственная мысль плывет по замкнутому кругу, как заезженная пластинка, снова и снова натыкаясь на одну и ту же бороздку. – Если он забудет про нас?

– А пофиг. Мы же не узнаем. Мы никогда ничего не узнаем наверняка.

Они могли часами, с серьезным видом посвященных, обсуждать, какого цвета мысль, или что чувствует асфальт, когда по нему ходят, или куда девается время, когда ты засыпаешь. Смех был нервным, взрывным, часто – абсолютно без причины, истеричным, переходящим в слезы. Пиво глушило тошноту и сухость во рту, а та, в свою очередь, усиливает и искажала действие пива, создавая гремучую, разрушительную для сознания смесь, которая уносила их все дальше от берегов реальности.

Но эффект был не только в этих бессвязных разговорах. Появлялось стойкое, пронизывающее все существо, физически осязаемое чувство отстраненности. Школа с ее дурацкими правилами, родители с их вечными упреками и непонятными тревогами, проблемы, будущее, которое маячило на горизонте мрачной, неотвратимой тучей, – все это отодвигалось, становилось плоским, не имеющим объема, как картинка на экране старого телевизора. Исчезала тревога, грызущее чувство собственной неполноценности, боль от потерь, но исчезали и все остальные, светлые чувства. На смену им приходила легкая, но навязчивая, ползучая паранойя. Им начинало казаться, что прохожие смотрят на них с особым, подозрительным вниманием, что за углом притаился наряд милиции, что их шепот подслушивают, а в темных окнах домов мелькают чьи-то враждебные тени. Они начинали говорить шепотом, бросать тревожные, быстрые взгляды на вход в подъезд, вздрагивать от любого шороха, от скрипа двери или отдаленного шага. Мир превращался в поле потенциальной угрозы, а их маленькая компания – в единственный оплот безопасности.

Это был уход. Не в виртуальную реальность, где они хотя бы были активными действующими лицами, пусть и в чужой войне, а в реальность химическую, внутреннюю, пассивную. Мир за пределами их тесного, вонючего круга терял краски, запахи, вкус, всякое значение. Вася смотрел сквозь запотевшее, грязное стекло подъездного окна на людей, спешащих

по своим, неведомым ему делам, и они казались ему механическими, бездушными куклами, лишенными смысла, марионетками в чужом, неинтересном спектакле. Его собственная жизнь, его тело, его мысли – все было окутано плотным, ватным туманом, сквозь который едва пробивались смутные очертания реальности. В этом тумане было безопасно, тепло и ничего не нужно было решать. Не нужно было думать о Сергее, предавшем их дружбу, о насмешках Тани и Лены, о двойках в дневнике, о туманном, пугающем и, скорее всего, беспросветном будущем. Нужно было просто сидеть на холодном полу, пить теплое, горькое пиво, передавать по кругу «косяк», вдыхать этот едкий, сладковатый дым и чувствовать, как границы между тобой и твоими друзьями растворяются, как границы собственного «я», в этом общем, отравленном, гнетущем и таком притягательном забвении. Они были больше, чем друзья. Они были сообщниками, членами одного ордена. И это бегство с каждым днем, с каждой новой затажкой становилось все длиннее, все стремительнее.

Слух о Маше распространился по микрорайону очень быстро. Новость была настолько невероятной, что сначала ее приняли за дурную шутку. Маша? Та самая Маша с глазами, в которых когда-то плавала вся вселенная глупостей и восторга? Та, чей смех мог составить конкуренцию по громкости школьному звонку? Она теперь работала в «Катакомбах»? У Гали? Это было все равно что узнать, что твоя пер-

вая учительница ушла в стриптизерши – информация не укладывалась в голове, вызывая странную смесь возмущения, любопытства и какой-то непонятной вины.

Для Васи это известие стало ударом ниже пояса, причем таким, который бьет не в реальность, а в ностальгию. Оно било в тщательно сохраняемый в памяти образ: Маша, та школьница со свалившимся набок хвостом волос орет на них, что они идиоты, за то, что запустили ее портфель на крышу гаража. Мысль была настолько нелепой, что он сначала даже не поверил.

Но для их компании, этой веселой братвы оторв, этот факт стал скорее пригласительным билетом на закрытый просмотр. «А че, сходим к Машке в гости, проведем старую подружку», – бросил как-то Вова, и в его голосе слышалась не ностальгия, а тот же азарт, с каким они шли отжимать деньги у семиклашек. Это был прекрасный повод для очередного «выезда на природу», коей для них были темные углы «Катакомб».

Тот вечер в подземном клубе отличался от всех предыдущих. Это была не просто тусовка, а настоящая вакханалия, пир во время чумы, устроенный с таким размахом, будто завтра должен был наступить конец света, а все компьютеры должны были взорваться, выпустив на свободу злых духов, долгие годы копившихся в недрах их видеокарт. Сама Галина, нарушая свое священное правило «никакого своего алкоголя», на этот раз смотрела на все сквозь пальцы, а точ-

нее, сквозь очередную серию своего бразильского сериала, поглощаемую ею с таким выражением лица, будто она разгадывает теорию струн.

И адское пойло хлынуло рекой. В воздухе, и без того напоминавшем по составу загазованный центр города с утра, теперь плавали тяжелые, почти осязаемые волны перегара, сладковатого дыма травы и едкого, дешевого парфюма, которым некоторые девчонки тщетно пытались забить все остальные запахи, создавая вместо этого гремучую смесь, пахнущую то ли борделем, то ли химической лабораторией.

Музыка из колонок была не игровой, а какой-то какофонической, техно-ярой, которая не столько звучала, сколько физически давила на грудную клетку, вышибая остатки кислорода из легких. В полумраке, под низкими, давящими сводами, похожими на череп гигантского доисторического животного, метались искаженные гримасами лица, тела сходились в неловких, пьяных танцах, напоминавших скорее конвульсии раненых животных, чем осмысленные движения. Кто-то орал, подпевая несуществующим словам, кто-то уже лежал в углу, бессмысленно уставившись в потолок и, вероятно, созерцая там великие тайны мироздания. Свет от единственной незащищенной лампы мигал, как предсмертная агония светлячка, выхватывая из тьмы то гримасу идиотского смеха, то маску рвоты, то блеск стеклянных, никого не видящих глаз. Это была не вечеринка. Это был ритуал коллективного самоуничтожения, общая агония, заглушаю-

щая личные трагедии грохотом и вонью.

Вася, Витя и их компания влились в этот хаос, как свои, словно они были запрограммированы на такое существование. Они быстро нашли свой угол, расселись, извлекая оттуда свои сокровища. Пиво, водка, разбавленная теплым, липким соком из пакета, косяки – все пошло в ход, как запчасти на конвейере. Витя, чей организм, казалось, был создан для демонстрации всех стадий алкогольного отравления в реальном времени, почти сразу перебрал. Его лицо приобрело благородный, землистый оттенок, он сидел, свесив голову между колен, и монотонно покачивался, напоминая маятник, отсчитывающий последние секунды его связи с реальностью.

Кому-то из ребят с «вечерки», парню по имени Степан, стало плохо. Он, спотыкаясь и напоминая зомби из не очень страшного фильма, побежал к условному туалету – темному закутку с дырой в полу, который местные в шутку называли «портал в иное измерение». И вскоре оттуда донесся звук бьющегося о стены тела, хриплые, животные стоны и приглушенное бормотание, в котором угадывались то ли молитвы, то ли матерные проклятия в адрес производителей выпивки. Никто не обратил внимания. Это было нормой, частью фоновых шума, как гул системных блоков.

Вася пил, но пьянел как-то странно, отстраненно. Эта вакханалия, вместо того чтобы захватить его, вызывала у него глухое, тошнотворное беспокойство, словно он был един-

ственным трезвым человеком на корабле дураков, который вот-вот должен был налететь на айсберг. Ему не хватало воздуха. Сквозь дым и грохот он пытался разглядеть Машу. И вот он увидел ее.

Она сидела за стойкой Галины, сгорбившись, втянув голову в плечи, как черепаха, пытающаяся спрятаться в своем панцире от надвигающейся опасности. Она не смотрела по сторонам, ее взгляд был прикован к собственным рукам, лежащим на коленях, будто она пыталась разгадать линии на своих ладонях и найти там ответ на вопрос, как она оказалась в этом месте. На ее лице не было ни ужаса, ни отвращения – лишь пустое, усталое равнодушие, которое было страшнее любого крика. Она была здесь, в самом сердце ада, и казалась его самым безучастным и самым несчастным обитателем, таким ангелом, случайно залетевшим на завод по переработке отходов.

У Васи пересохло горло. Ком стоял такой, что было трудно дышать. Ему срочно нужно было воды. Отпив из своей бутылки теплого, отдающего пластиком пива, он только усилил тошноту. Нужна была обычная вода, простая, чистая, не отравленная химией. Он поднялся, оттолкнув кого-то мягкого и безвольного, похожего на большой мешок с костями, и побрел вглубь подвала, туда, где, как он смутно помнил, был небольшой подсобный закуток с раковиной, которая, по слухам, иногда даже давала воду, а не просто издавала угрожающие булькающие звуки.

«Катакомбы» были настоящим лабиринтом, спроектированным, как будто, сумасшедшим архитектором, вдохновленным игрой «Doom». Пройдя мимо рядов гудящих, перегретых компьютеров, от которых исходил жар, как от маленьких печек, он очутился в узком, темном коридоре. Здесь свет единственной лампочки был таким же тусклым и беспомощным, как свеча в склепе. Воздух здесь был еще тяжелее, пахло старой плесенью, мышиным пометом и чем-то кислым, напоминающим прокисшие щи. Он шел, держась рукой за шершавую, влажную на ощупь стену, его шаги глухо отдавались в звенящей тишине, контрастирующей с оглушительным грохотом основного зала.

Он ошибся дверью. Вместо подсобки он толкнул первую попавшуюся, полуразрушенную, висящую на одной петле, как зуб пьяного старика. И застыл на пороге, пораженный, как будто наткнулся на запретную гробницу фараона, которую лучше бы и не открывать.

Это была маленькая, почти круглая комната, вероятно, бывшая вентиляционная камера или каземат для особо провинившихся. В центре, на голом бетонном полу, лежал грязный, замызганный, когда-то белый матрас. Он был в странных, желто-коричневых разводах неопределенного происхождения, усыпан окурками, и от него шел тяжелый, затхлый запах пота, секса и отчаяния – аромат, который можно было бы назвать «ароматом безысходности», если бы кто-то решил его бутилировать. И на этом ложе из грязи и пепла, в

тусклом свете, падающем из коридора, лежали двое. Галина и Дима.

Димка был одним из школьных «дурачков», старшеклассником с наглым, привыкшим к безнаказанности лицом, которое он, видимо, отращивал с детского сада. Он был без штанов, его тощее, жилистое тело было бледным и потным, как сырая рыба, выброшенная на берег. Галя, ее огромное, расплывшееся тело, было прижато к нему. Ее юбка была задрана, лицо, обычно выражавшее лишь сонное равнодушие ко всему миру, теперь было искажено гримасой не удовольствия, а какого-то животного, жадного напряжения, будто она не предавалась любовным утехам, а пыталась вскрыть сейф зубами. Это не была романтика, не была даже похоть в ее привычном понимании. Это было что-то первобытное, грязное, отвратительное, как спаривание гиен на свалке. Зрелище было настолько пошлым, настолько лишенным даже намека на человеческое, что у Васи перехватило дыхание.

Ему стало физически плохо. Волна тошноты подкатила к самому горлу. Он почувствовал, как земля уходит из-под ног, а все его смутные, подсмотренные в плохих фильмах и вычитанные на стенах подъездов представления о сексе, в одно мгновение рухнули, обнажив голую, уродливую, биологическую правду, лишенную всякой романтики. Это был удар под дых, разрушающий последние остатки каких бы то ни было иллюзий, причем удар, нанесенный не абстракцией, а конкретной парой тел на грязном матрасе в компьютер-

ном клубе. Он отшатнулся, споткнулся о какой-то железный хлам и, чуть не падая, бросился прочь, назад, в шумный зал, где этот кошмар хоть как-то растворялся в общем хаосе, как капля дерьма в бочке с помоями.

Он бежал по коридору, слепой от отвращения и паники, и наткнулся на кого-то твердого и неподвижного, как скала. Он поднял голову. Перед ним стоял Стас.

Стас не был похож на них, на этих вечно суесящихся, пьяных пацанов. Он был взрослее, лет двадцати пяти, и казался пришельцем из другого, более жесткого измерения. Бывший боксер, а ныне, по общим слухам, «кидала» – тот, кто решал проблемы не словами, а кулаками и кто брал деньги за «крышу», причем крышу эту он, судя по всему, мог за просто обрушить на голову неплательщика. Его лицо было картой былых побед и поражений, с мясистым, раздробленным когда-то носом и холодными, как агат, глазами, в которых не читалось никаких эмоций, кроме, пожалуй, легкой скуки. Он стоял, заложив большие, покрытые шрамами костяшками руки за ремень своих дорогих, явно не купленных на распродаже джинсов, и смотрел на Васю. Смотрел не как на человека, а как на помеху, на биологический объект, который нужно оценить на предмет угрозы и либо устранить, либо проигнорировать.

Вася замер, чувствуя, как по его спине бегут ледяные мурашки. Весь алкоголь в его крови мгновенно испарился, уступив место леденящему, животному страху, тому самому,

что заставляет зайца замирать перед удавом. Он ждал удара, окрика, чего угодно.

Но удар не последовал. Стас медленно, с ног до головы, оглядел его – его испуганное, бледное лицо, его дешевую, помятую куртку, его дрожащие, беспомощно повисшие руки. В его взгляде не было ни злобы, ни интереса. Было лишь абсолютное, ледяное равнодушие сильного к слабому, хищника к травоядному, которое пугало гораздо больше, чем открытая агрессия. Он молча отвел глаза, словно Вася был пустым местом, случайным пятном на стене, и чуть заметно кивнул в сторону основного зала, откуда доносился оглушительный грохот.

– Чего бя встал? Проходи, – произнес он хриплым, глухим от многолетнего курения и, вероятно, нескольких сотен пропущенных ударов по челюсти, голосом. И в его интонации не было ни дружелюбия, ни угрозы. Было лишь разрешение. Разрешение продолжить существовать. Пока. Своего рода отсрочка от приговора, выданная по непонятной им милости.

Вася, не помня себя, шарахнулся мимо него, в оглушительный грохот музыки и криков. Он вернулся к своим. Он смотрел на эту вакханалию, на пьяные, искаженные лица, на Витю, которого уже начало рвать прямо на пол, и видел теперь не веселье и не братство, а ту же самую грязь, ту же животную, пошлую правду, которую он только что увидел в той комнате. И над всем этим, как тень настоящей, взрослой,

неигрушечной угрозы, витал образ Стаса – человека, который мог в любой момент все это прекратить одним движением руки. Или уничтожить. И от этой мысли становилось еще страшнее. Он сидел среди своих друзей, среди грохота и вони, но чувствовал себя абсолютно одиноким, затерянным в этом подземном царстве, где границы между весельем и ужасом, между жизнью и гниением, были окончательно и бесповоротно стерты. И самое ужасное было в том, что ему не хотелось отсюда уходить. Потому что снаружи его ждал только другой, не менее чужой и непонятный мир.

Интермедиа

Вечерний воздух на двадцать четвертом этаже элитного жилого комплекса «Акварамин» обладал странными, почти лабораторными свойствами. Он был лишен запаха, веса, истории. Его температура – неизменно комфортные двадцать два градуса – поддерживалась невидимыми системами, его чистота достигалась многоступенчатой фильтрацией, отсекающей не только пыльцу и выхлопы, но, казалось, и саму молекулярную память о городе внизу. Здесь не пахло морем, даже когда ветер дул с залива. Не тянуло сладковатым дымом от шашлычных на Набережной, не доносилось гула автомобилей с Центра. Эта высота была не просто этажом – это был иной атмосферный слой, сфера изолированного благополучия. Вася, откинувшись в глубоком кресле из кашемирового велюра на своем просторном, застекленном балко-

не-террасе, медленно выпускал дым дорогой, выдержанной кубинской сигары. Движение его руки было ритуально-медленным, отточенным. Он не затягивался жадно, он «дегустировал дым», как научился в одном частном клубе. Клубы густого, ароматного дыма таяли в быстро сгущавшихся сумерках, не долетая до парапета. Внизу, на расстоянии семидесяти с лишним метров, булькала, гудела и переливалась огнями жизнь мегаполиса, но звуковой ландшафт здесь ограничивался тихим гулом климат-контроля и редким, приглушенным до шепота скрипом его кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.